

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА К ДЮ-КАНУ, ФЛОБЕРУ И Э. де ГОНКУРУ*

Вступительные статьи prof. André Mazon (Париж)

Публикация и примечания М. Goglin (Париж)

І. ПИСЬМА К МАКСИМУ ДЮ-КАНУ

Шестнадцать писем Тургенева к Максиму Дю-Кану, хранящиеся в библиотеке Французской академии (Bibliothèque de l'Institut), проливают яркий свет на взаимоотношения этих двух писателей.

Они познакомились, вероятно, в конце 50-х годов. Повидимому, Дю-Кан был одним из первых литераторов, при посредстве которых Тургенев завязал отношения с парижским литературным миром. В двух письмах, к С. Т. Аксакову и к Герцену, помеченных 8 января 1857 г., рассказывая о встречах с французскими писателями, Тургенев упоминает Дю-Кана, Леконта де Лиля, Виктора Гюго, Ламартина и Жорж Санд («Вестник Европы», 1894, II, стр. 498). 22 февраля 1865 г. на обеде у г-жи Юссон собрались Дю-Кан, Тургенев, Тэн и Флобер. В письмах к Гюставу Флоберу Тургенев не раз упоминает о Дю-Кане: «Я не виделся с Дю-Каном, который должен быть здесь [в Баден-Бадене]» (28 июля 1868 г.).—«Приветствуйте от меня г-жу Санд, Дю-Кана и tutti quanti» (Баден-Баден, 30 января 1870 г.).—«Кланяйтесь Дю-Кану и семейству Юссон» (Веймар, 20 февраля 1870 г.).—«Есть ли вести от Дю-Кана? В тревожное время он исчез, как и многие другие» (Лондон, 6 мая 1871 г.).

Тургенев особенно сблизился с Дю-Каном в 67—70-х годах, и именно к этой эпохе и относится большая часть имеющейся в нашем распоряжении переписки (12 писем из 16). Франко-прусская война прервала эти отношения почти на десять лет, причем они не восстановились и по переселении Тургенева в Париж. Надо сказать, что Максим Дю-Кан, узнавший себя в Фредерике из «Воспитания чувств», почти совсем прекратил дружеские отношения с Флобером и, готовясь к избранию в Академию, все более и более впадал в академический тон. Лишь в 1880 г., в связи с проектом сооружения памятника Флоберу, Тургенев на время возобновил отношения с Дю-Каном. Четыре записки этого периода (последние из публикуемых здесь писем) дополняют то, что уже было известно об этом из письма Тургенева к Мопассану от 8 апреля 1881 г. Возобновившиеся отношения носили характер не столько дружеский, сколько светский, хотя и были сохранены внешние формы старинной дружбы.

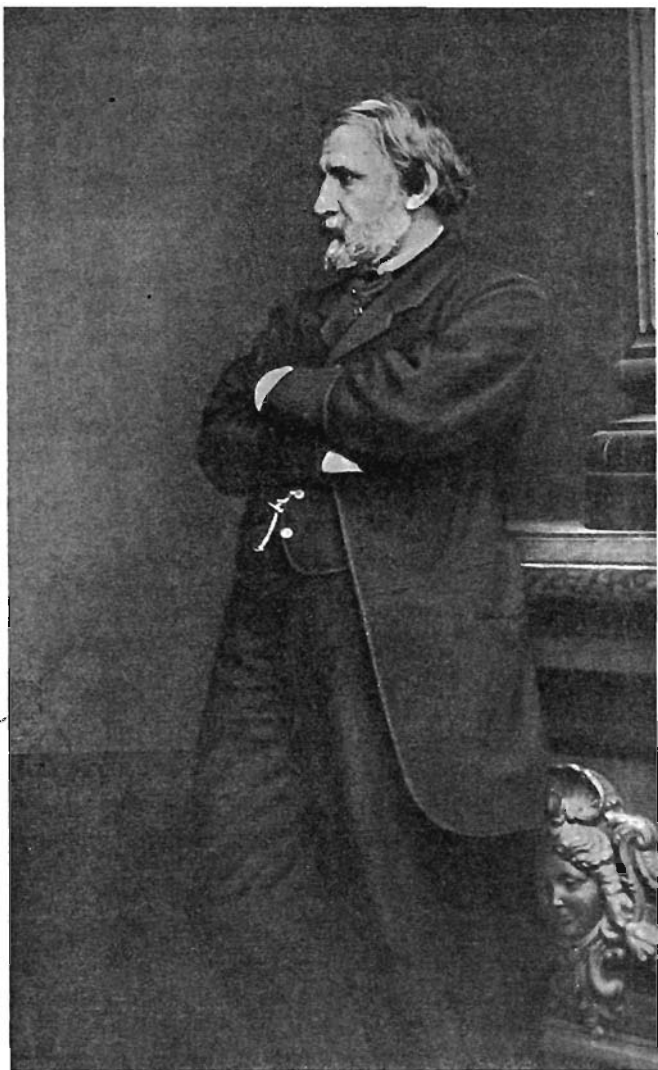
В 1860 г. Максиму Дю-Кану было 38 лет. Он был сыном члена Медицинской академии и жил вполне обеспеченно. В молодости он много путешествовал и имел много интересных приключений. В 1844 г. он совершает первое путешествие на Восток. Июньские дни 1848 г. застают его в Париже офицером Национальной гвардии: полученная им рана свидетельствует о том, что он участвовал в баррикадных боях. Два года

* Перевод писем И. С. Тургенева, как и всей публикации, представленной на французском языке, сделан Е. Гунстом.

спустя—с октября 1850 г. по май 1851 г.—он снова на Востоке, на этот раз в обществе Гюстава Флобера: он посещает Египет, Сирию, Иудею и Грецию. По возвращении во Францию он основывает «*Revue de Paris*», которую наполеоновское правительство закрыло в 1858 г. Одновременно он становится одним из основных сотрудников «*Revue des Deux Mondes*» по отделам путешествий, художественной критики, истории и беллетристики. В 1860 г. его увлекло новое приключение: он записался добровольцем в «тысячу» Гарибальди и проделал с его отрядами обе сицилийские кампании. Конечно, для Дю-Кана характерно стремление быть на виду, выдвигать себя на первый план, что так сурово осудил Флобер в памятном письме 1852 г.: «Что касается меня—я не стремлюсь к тихой пристани, а предпочитаю открытое море». Но у Дю-Кана была таюке и жажда простора, движения, действия, и эта жажда была сильнее его литературного призвания. Его общительность не исчерпывалась общительностью парижанина, завсегдатая столичных салонов: она свидетельствует о том, что у этого эгоиста были инстинкт общественной жизни, любознательность, стремление понять сложный механизм большого города, чувство коллектива, приспособленность к современной жизни. У этого человека, в отличие от Флобера, была потребность «смешиваться с толпой» («se mêler aux hommes»). И именно в Париже, в целях изучения столицы, исследования «ее организма, ее функций», и было им предпринято последнее большое путешествие, описанное в шеститомном труде «*Paris, ses organes, ses fonctions, sa vie dans la seconde moitié du XIX siècle*» (1869—1875). Парижская коммуна обязана ему первой документальной своей историей, написанной современником: «*Convulsions de Paris*» (1878—1879). Последние годы жизни (он умер в 1894 г.) он прожил, как уважаемый публицист, на покое, в достатке и почете. «Пират в отставке»—говорили о нем его коллеги по Французской академии, а виконт Мельхиор де Вогюэ не без язвительности определил сущность его жизни в следующих словах: «Под мушкетерским камзолом в нем скрывался истинный французский буржуа, сначала опьяненный романтизмом, затем отрезвленный сен-симонизмом и введенный им в нормальную колею». («*Recueil des discours, rapports et pièces diverses lus dans les séances publiques et particulières de l'Académie française*», 1870—1899, 2-е partie, P., 1900, p. 141).

Таков Дю-Кан, как человек. Друг его юности, Гюстав Флобер, отлично знал его; отдавая должное его таланту, он отнюдь не заблуждался насчет его характера. Тургенев же знал его, повидимому, лишь, как любезного литератора и остроумного собеседника. В сердечном тоне его писем к Дю-Кану не заметно ни сдержанности, ни настороженности, и все же этот несколько банальный дружеский тон показывает нам, что, в сущности, эти два писателя никогда не были действительно близки: Максим Дю-Кан не упоминает о Тургеневе в «*Souvenirs littéraires*»; в свою очередь, он для Тургенева не более, как случайный встречный на жизненном пути, любезный человек, с которым часто и охотно видишься, но который не может возбудить к себе ни серьезного интереса, ни симпатии. Это была чисто внешняя дружба, без завтрашнего дня, столь обычная в светской жизни.

Находящиеся в нашем распоряжении письма весьма полно освещают это; но они ценны и в другом отношении: они обогащают несколькими подробностями литературную историю двух произведений: перевода на русский язык «*Les Forces perdues*»—романа Дю-Кана и перевода на французский «*Истории лейтенанта Ергунова*» Тургенева. Кроме того, они дают несколько интересных биографических подробностей: о портрете Тургенева, гравированном Эдуэном (Hédouin), о взаимоотношениях Тургенева с художником Луи Поме (Louis Pomey) и др. Письма эти оставляют впечатление бодрости, хорошего настроения, беззаботности: в них отражается относительно счастливый период жизни писателя, предшествовавший франко-прусской войне. В этой пачке пожелтевших листков выделяется взволнованная и волнующая страница, которая, по справедливости, должна бы быть включена в «*Записки охотника*», поскольку

Ив. Тургенев
Париж.
24^е Окт. 1861.

И. С. ТУРГЕНЕВ
Фотографическая карточка с автографом
Литературный музей, Москва

она отражает душевную драму цивилизованного человека, борющегося со своими первобытными инстинктами,—точно так же, как захватывающий рассказ Пьера Лоти про смерть обезьяны, которую писатель собственноручно пристрелил.

«Я чувствую себя довольно хорошо в Карлсруэ. Здесь я работаю немного больше, чем в Бадене; несколько раз хорошо поохотился: я присутствовал (у вел. герцога) при избиении кабанов, выпущенных в загон. Я даже подстрелил одного; ~~появился~~, расклевываясь и приятно улыбаясь, герцогский егерь и прикончил его. Он вонзил ему нож в сердце с таким видом, точно вручал ему визитную карточку, потом обтер лезвие о его трепещущий бок—и все улыбался. Это вызвало у меня воспоминание о Варфоломеевской ночи; мне казалось, что я молча и подло присутствую при убийстве. Именно подло—потому что я находился на своего рода импровизированной трибуне, а несчастные животные пробегали перед нами. А затем я подумал, что надо и это испытать».

В связи с письмами, касающимися предисловия Тургенева к «Утраченным силам» и его содействия появлению этой книги в русском переводе, естественно, возникает желание перечитать роман Дю-Кана и русское предисловие к нему, которое покойный М. О. Гершензон, к счастью, включил в свои «Русские Пропилеи» (т. III, М., 1916, стр. 170—174).

Этот забытый роман далеко не лишен значительности. Он знаменует собою определенный этап в жизни и творчестве автора: искоренение романтических настроений, прощание с романтизмом; это последняя вспышка романиста, который вскоре в лавчонке оптика, как он сам рассказывает в «*Souvenirs littéraires*» (t. II, P., 1885, pp. 413—415), отречется от художественной литературы, чтобы стать статистиком и социологом. Истекшее время дает нам возможность увидеть роман Дю-Кана в правильной исторической перспективе и определить его место в литературе той эпохи. На основании последних разысканий флобероведов, современные историки литературы сходятся в утверждении, что «Утраченные силы» являются автобиографией, послужившей канвою «Воспитанию чувств», а «Воспитание чувств»—отзвуком романа, действительно пережитого Максимом Дю-Каном (Ф р е д е р и к) с госпожой Делессер (г - ж а Д а м б р е з). Когда «Утраченные силы» вышли в свет, Флобер писал Жорж Санд: «Заметили ли вы, что иногда в воздухе как бы носятся общие идеи? Вот, например, я только что прочел «Утраченные силы»—новый роман моего друга Дю-Кана. Он во многом напоминает роман, который я сейчас пишу». Но автор «Воспитания чувств», рисуя объективно своего героя, не относился к нему так снисходительно и легко, как автор «Утраченных сил»—к своему, в котором изобразил самого себя. Известно, как Флобер отзывался о Дю-Кане в письме к Луизе Коле от 20 марта 1853 г.: «Вот увидишь—в один прекрасный день он подцепит тепленькое местечко и распрощается с литературой. В его голове все мешается: женщины, ордена, искусство, сапоги; все это кружится на одном уровне; лишь бы это его выдвигало—вот что важнее всего». Это суждение неотделимо от того, что сказано о Фредерике в «Воспитании чувств»: «Он окончательно входил в мир великосветских адюльтеров и интриг. Чтобы быть в нем на первом месте, достаточно было подобной женщины... Вследствие этой атрофии чувств, его голова была совершенно свободна, и теперь более, чем когда-либо, он мечтал о высоком положении в свете. Располагая таким трамплином, он не мог им не воспользоваться» (см. статью Maurice Parturier в «*Bulletin du Bibliophile*», 1932; *Autour de Mérimée: «Les Forces perdues» et «l'Education sentimentale»*).

Что же касается предисловия Тургенева, то его теперь нельзя читать без улыбки—до такой степени видна его подоплека. Действительно, построено оно несколько своеобразно. С одной стороны—усиленные извинения автора перед русской публикой за то, что он представляет ей французского писателя в то время, как русская литература

совершенно освободилась от былой подражательности, когда она сама имеет выдающихся мастеров и не нуждается в упадочной литературе наполеоновской Франции («...когда наставники сами слабеют и никнут, как это мы видим в современной нам наполеоновской Франции»); таланты, разумеется, во Франции еще попадаются, но им недостает искренности, правдивости («французы так же легко обходятся без правды в искусстве, как без свободы в общественной жизни»); и ни одно из действующих лиц Бальзака, столь разработанных в деталях, не производит впечатления живого человека («ни одно из них никогда не жило и жить не могло»), всем им, в отношении правдивости, далеко до «Казаков» Льва Толстого. С другой стороны, сама книга является лучшим извинением для автора предисловия—именно потому, что она расходится с традицией французского романа, поскольку она является книгой прочувствованной, живой, словом, правдивой. Таким образом, Бальзак неожиданно становится темным фоном, на котором, как светлое явление, выделяется Максим Дю-Кан, хотя при ближайшем рассмотрении слова, характеризующие творчество этого последнего, несколько расплывчаты и лишены теплоты.

Это предисловие очень знаменательно: оно отражает русскую точку зрения конца 60-х годов на французские дела, оно показывает, что Тургенев, постоянный скиталец, старается принять ее во внимание, оно обнаруживает, какая пропасть отделяет «Человеческую комедию» от тургеневской концепции романа, оно показывает, что Тургенев старался исполнить просьбу Дю-Кана и при этом не повредить себе в России, и, наконец, оно доказывает, что Тургенев, несмотря на свое западничество, мало интересовался французской литературой, предшествовавшей шедеврам его друга, Гюстава Флобера.

A. Mazon

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Flaubert, Correspondance	Flaubert, Correspondance, édition Conard, Paris, 1926—1933, 9 vol.
Journal des Goncourt	[Goncourt Jules et Edmond] Journal des Goncourt, Paris, 1887—1892, 9 vol.
Halpérine-Kaminsky	E. Halpérine-Kaminsky, Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français, Paris, 1901.
Turgenjew an Pietsch	Iwan Turgenjew an Ludwig Pietsch, Briefe aus den Jahren 1864—1883, hsg. von Alfred Doren, Berlin, s. a.
Клеман	М. К. Клеман, Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, 1818—1883, Москва, «Academia», 1934.

ТУРГЕНЕВ—МАКСИМУ ДЮ-КАНУ

1

Москва

Пятница, 10/22 марта [18]67 г.

Любезный друг,

Я приехал сюда только вчера и только вчера получил ваше письмо. Пришлите мне поскорее вашу книгу¹; я пробуду в Москве еще три недели. Все будет сделано, как вы желаете. Я буду очень рад дать возможность русской публике оценить и столь выдающееся сочинение, как «Утраченные силы», и ваш талант, который, впрочем, не так уж неизвестен нашим читателям, как вы думаете².

В настоящее время я так обременен делами, что вы простите меня, что я не говорю ни о чем другом; надеюсь увидиться с вами в Париже в первых числах мая; сердечно жму вам руку.

Весь ваш И. Тургенев

P. S. Высылайте книгу сюда, в адрес «Русского Вестника».

¹ «Утраченные силы» («Les Forces perdues») — роман Максима Дю-Кана, вышедший в Париже в 1867 г.

² Вот как Тургенев рассказывает в письме к Анненкову историю перевода «Утраченных сил», который он собирался пристроить в России: «...французский писатель М-г Дюкан, с которым я дружен и которому до некоторой степени обязан. Он написал роман *Les Forces perdues* и, узнав, что он мне понравился, попросил меня способствовать его переводу на русский язык, что я и обещал (все это происходило зимой)». См. письмо к Анненкову от 19 октября 1867 г. — «Русское Обозрение», 1894, I, стр. 24—25.

2

Баден, Schillerstrasse 277

Понедельник, 29 апреля [18]67 г.

Любезный друг мой,

Я вернулся сюда уже неделю тому назад, — надо сообщить вам, что я сделал для «Утраченных сил». У нас в Петербурге есть книгоиздательство, выпускающее переводы иностранных романов: их выходит двенадцать выпусков в год — наподобие журнала; имеется 5—6 тысяч подписчиков: предприятие существует лет десять; переводы очень хороши¹.

Ваш роман будет издан в течение лета; я обещал написать предисловие, в котором скажу много неприятного о вас, попутно обрисовав в общих чертах современное состояние французского романа. Предисловие должно быть готово к 1 июня; я написал уже несколько страниц². Когда перевод появится, о нем заговорят критики, и заговорят благожелательно. Как видите, дело поставлено солидно.

С ногою у меня — чорт бы ее взял — все еще плохо, и, повидимому, мне придется полечиться в Вильдбаде. Здесь совсем было решили воевать, но вот уже два дня, как ветер подул в сторону мира³. Я, разумеется, за мир: помимо всего прочего, он хорош тем, что позволит вам вернуться сюда. Не знаю хорошенько, когда поеду во Францию; а если и поеду, то только ради свидания с дочерью⁴. Если вы тогда будете еще в Париже, — заеду позвать вам руку. Когда вы приезжаете?

Виардо просит передать вам поклон, а я дружески жму вам руку.

И. Тургенев

¹ Речь идет о «Собрании иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык», издававшемся Е. Н. Ахматовой.

² Тургенев закончил предисловие лишь в октябре 1867 г., между тем, первые страницы были написаны, повидимому, еще в апреле — мае того же года. Пять листов, без даты, находящиеся среди парижских рукописей Тургенева, вероятно, и являются черновыми набросками этого предисловия. Судя по словам: «обрисовав в общих чертах современное состояние французского романа», общий план предисловия был уже готов. Именно с очерка о состоянии современного французского романа и начинается предисловие Тургенева. Он хвалит «Утраченные силы», сравнивает их с «Госпожей Бовари» Флобера и превозносит их, как редкий образец реалистической и естественной прозы, резко выделяющийся среди общей фальши французской литературы того времени. См. письмо к Анненкову от 19 октября 1867 г. — «Русское Обозрение», 1894, I, стр. 25; M a z o n (André), *Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev*, P., 1930, p. 71.

³ Осенью 1867 г. ждали войны с Францией. См. письма Тургенева к Боткину от 18 и 20 апреля 1867 г. и письмо его к дочери от 29 апреля 1867 г.: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданный переписка, под ред. Н. Л. Бродского, М., 1930, стр. 260—262, и S é m é n o f f, *La vie douloureuse de Tourguénev*, P., 1933, p. 175.

⁴ См. ниже, письмо от 15 июня 1867 г. (стр. 670).

МАКСИМ ДЮ-КАН

Акварель Эжена Жиро с автографом
писателя

Национальная библиотека, Париж

3

Баден, Schillerstrasse 277
Среда, 8 мая 1867 г.

Любезный друг, хочу побеспокоить вас просьбой, с которой я уже обращался к вам год тому назад; так как дело касается приятеля, я действую нагло: на выставке картин есть женский портрет работы Луи Поме; взгляните на него. Если найдете его достойным фразы или словечка—упомяните о нем в своем отчете о выставке¹. Я знаю, что вы, по возможности, избегаете имен—«nomina sunt odiosa», но, словом, взгляните на портрет, а там поступайте, как найдете нужным. Поме—добрый малый, я его очень люблю.

Я поеду в Париж в июне, я еще застану вас там. Несмотря на вчерашнее сильное падение курсов на бирже, мы еще верим в мир. А пока—дружески жму вам руку.

И. Тургенев

¹ П о м е (Pomeu) Луи-Эдмон (1831—1901)—художник, ученик Глейра, друг Тургенева и семьи Виардо. Выступал в Бадене в опереттах Тургенева (в роли пашы в «Тор de Femmes»). В салоне 1867 г. выставил портрет М-ме J. P. (о котором хлопочет Тургенев), а в салоне 1868 г.—портрет Полины Виардо в «Норме». Его картина *Simplicité* находится в музее в Ницце.

Дю-Кан упомянул о Поме в своей статье «Salon de 1867», помещенной в «Revue des Deux Mondes»; впрочем, сделал он это лишь мимоходом: после рассуждений о портретной живописи и о ее трудностях он пишет: «А между тем, надо сказать, что гг. Родаковский, Каплинский, Поме и Кабанель выставили превосходные портреты». См. «Revue des Deux Mondes», vol. 69, mai—juin 1867, livraison du 1-er juin, pp. 646—678, и письмо Тургенева к дочери от 9 сентября 1867: *S é m é n o f f*, *La vie douloureuse de Tourguénev*, P., 1933, p. 176.

4

Баден, Schillerstrasse 277
Вторник, 2/14 мая 1867 г.

Любезный друг,

Пришлите мне поскорее краткий список всех ваших изданных трудов: эти статистические данные необходимы мне, чтобы закончить предисловие¹, которое я должен послать в Петербург в конце недели².

Между 5 и 10 числом будущего месяца поеду в Париж³; зайду позжать вам руку. А пока—«farewell».

И. Тургенев

¹ Данными, посланными Дю-Каном, Тургенев воспользовался в конце предисловия. Там упоминаются работы Дю-Кана о статистике и художественной критике.

² Предисловие было закончено, а следовательно, и отослано значительно позже. 19 октября 1872 г. Тургенев писал Анненкову: «...По свойственной мне лени предисловие окончено мною только теперь (Дюкану я, тайно краснея, сказал, что давно его послал)». См. «Русское Обозрение», 1894, I, стр. 25.

³ Тургенев уехал в Париж 14 июня 1867 г. См. К л е м а н, стр. 166. См. также ниже, письмо от 15 июня 1867 г. (стр. 670).

5

Париж, Hôtel Byron, rue Laffitte
15 июня [18]67 г.

Любезный друг мой,

Есть бульдог еще страшнее Пегаса¹—это чувство долга и семейных обязательств, только всего. Дочь пишет мне, что приедет сегодня вечером (сам я приехал утром) и завладеет мною на два дня—на воскресенье и понедельник². Если желаете видеть меня во в т о р н и к, сообщите мне час, когда хотите, чтобы я приехал, и я явлюсь точно и аккуратно, как нотариус. А пока—дружески жму вам руку.

Весь ваш

И. Тургенев

¹ Охотничья собака Тургенева.

² 16 и 17 июня 1867 г.

6

Баден, Schillerstrasse 7
12 февраля 1868 г.

Любезный друг мой,

Если у вас под рукой найдется какой-нибудь русский, и если вы попросите его перевести прилагаемый таинственный вырезок*, он скажет вам, что это объявление о переводе «Утраченных сил» с моим предисловием. Два подчеркнутых слова—не более не менее, как ваше имя. Я уже запросил в Петербурге, почему, несмотря на обещание, мне не прислали экземпляров¹. Уже добрых три недели, как книга вышла. Как только ее получу—пошлю или, вернее, сам занесу ее вам, ибо в воскресенье я уезжаю из Бадена и навещу вас в понедельник или во вторник. Я остановлюсь в Hôtel Byron, rue Laffitte; проживу в Париже приблизительно с неделю.

Очень буду рад повидать вас, а также и Флобера, который, надеюсь,

* Тургеневское выражение, обычное для его русских писем.—Ред.

не уедет в Руан до моего приезда. Здесь все чувствуют себя довольно сносно; один только Пегас изменился: он становится кротким, как ягненок, а это лишает его своеобразия.

Кланяйтесь от меня г-ну и г-же Юссон², дружески жму вам руку.

Ив. Тургенев

¹ 5 февраля 1868 г. Тургенев писал Анненкову: «Еще просьба! Я в газетах прочел объявление о выходе первой книжки *Собрания романов* с переводом Дю-Кана и моим предисловием, но до сих пор обещанных издательницей двух экземпляров не получил. Мне они не нужны, но Дю-Кан ужасно интересуется ими. Пожалуйста, сходите, напомните». Первая книга *Собрания романов* за 1868 г. вышла в конце января, объявление о ней было в «Московских Ведомостях» от 25 января. См. «Русское Обозрение», 1894, II, стр. 488, и Клеман, стр. 171.

² Г-жа Юссон (M-me Husson) — друг Максима Дю-Кана. Тургенев обедал у нее в феврале 1865 г. в обществе Дю-Кана, Тэна и Флобера. См. Клеман, стр. 152.

7

Баден, Schillerstrasse 7
18 февраля 1868 г.

Любезный друг,

Сам чорт, кажется, путается в мои дела и вставляет мне палки в колеса. Возможно, что я буду в Париже уже послезавтра, но возможно также, что моя поездка состоится лишь числа 15 марта. Ввиду такой неопределенности, вот что я решил: прежде всего становлюсь в молитвенную позу и произношу следующее:

Я послал в *Revue des Deux Mondes* небольшой рассказ, переведенный мною же с помощью Виардо и озаглавленный *L'Aventure du Capitaine Jergounof*. Рассказ этот (страниц 25—30, самое большее) предназначен для первого мартовского выпуска. Следовательно, нужно править гранки! Теперь вы уже догадываетесь, о чем я прошу. Сходите в редакцию (я сегодня же пишу г. Бюлозу¹) и, если вещица моя принята (в чем я далеко не уверен, так как сюжет немного скабретен), сделайте такую милость—выправьте гранки (рукопись очень четкая). Если мою *Историю* (*Aventure*) не захотят принять, положите ее преспокойно себе в карман, а когда я приеду в Париж, вы вернете ее мне или скажете, что с нею делать². Я бесцеремонно взваливаю вам на плечи неприятную заботу, но, сами знаете, такова участь всех услужливых друзей. Еще раз низко, по-русски, кланяюсь вам и заранее благодарю.

Я в бешенстве, что до сих пор нет экземпляра «Утраченных сил»; я написал издательнице резкое письмо³. Вы получите книгу на другой же день после ее доставки сюда.

Кланяйтесь всем и, надеюсь, до скорого свидания.

Ваш И. Тургенев

¹ Бюлоз (Buloz, 1803—1877)—основатель и редактор «*Revue des Deux Mondes*».

² Перевод «Истории лейтенанта Ергунова» (*L'Aventure du capitaine Jergounof*) появился в апрельской книжке «*Revue des Deux Mondes*». Появление повести в этом журнале очень льстило Тургеневу. Он писал Анненкову: «Со всем тем перевод этой самой «Истории» помещен в апрельской книжке *Revue des Deux Mondes*—честь, которая, если уже дело пошло на хвостовство, досталась, кроме меня, одному Г. Гейне». См. письмо к Анненкову от 9 апреля 1868 г.—«Русское Обозрение», 1894, II, стр. 492, и прим. 2-е к следующему письму.

³ Тургенев написал не Ахматовой, а Анненкову, которого просил сходить к ней: «и скажите ей, что я не того ожидал от ее аккуратности». См. письмо к Анненкову от 16 февраля 1868 г.—«Русское Обозрение», 1894, II, стр. 489.

Баден, Schillerstrasse 7
1 марта 1868 г., воскресенье

Любезный друг,

У меня было твердое намерение выехать во вторник, т. е. послезавтра, но появились новые препятствия, так что я не могу уже с уверенностью сказать, когда мне удастся уехать из Бадена; итак, сообщите об этом в Revue и действуйте в соответствии с этим.

Я, в конце концов, узнал, отчего задержалась присылка «Утраченных сил»: роман вышел в двух частях и вторая только что появилась в февральском номере; теперь я получу ее на ближайших днях и немедленно отправлю вам¹.

Я просил Этцеля послать вам два экземпляра моего романа²—один для вас, другой для Флобера. Надеюсь на вашу благосклонность.

Дружески жму вам руку, до свидания.

И. Тургенев

¹ Тургенев получил два экземпляра романа лишь в начале апреля 1868 г. 9 апреля этого года он писал Анненкову: «Я получил, наконец, от г-жи Ахматовой два великолепно переплетенных экземпляра Дюкановского романа, и один уже препроводил ему. Поблагодарите ее от моего имени; лучше поздно, чем никогда». См. «Русское Обозрение», II, стр. 494.

² Имеется в виду французское издание романа «Дым» («La Fumée»), переведенного кн. Голицыным. См. письма к Голицыну: *На l'impératrice Camille*, р. 324—334.

В письме к Анненкову от 1 марта 1868 г. Тургенев, перечисляя свои заграничные успехи, писал: «Не знаю, сказывал ли я вам, что в книжке *Revue des Deux Mondes* от 15-го марта появится перевод Истории лейтенанта Ергунова [он появился лишь в апреле]. Весьма хороший перевод Дыма на днях будет издан книгопродавцем Гетцелем, а Мериме хочет написать статью обо мне в Монитёре. Вы видите, что если в России мне приходится плохо, то за границей акции мои еще не совсем упали!». См. «Русское Обозрение», 1894, II, стр. 491—492.

Карлсруэ, Hôtel du Prince Max
13 янв[аря] [18]69 г.

Любезный и добрый друг мой,

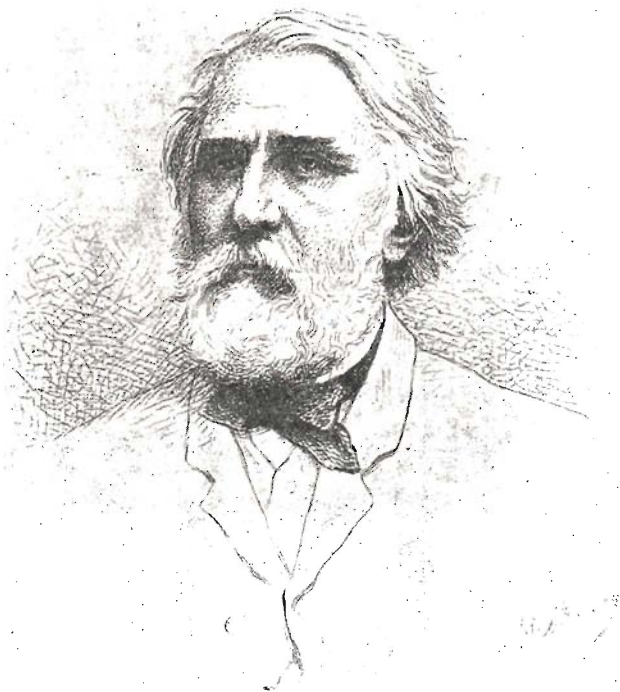
Тысячу раз благодарю вас за заботы, которыми вы устаиваете мой портрет. Я решил изъять автограф и написал в этом смысле Эдуэну и своему издателю¹. Я считаю себя недостаточно классиком для этого и нахожу, что и помещение п о р т р е т а уже переходит границы. Оставим это для издания «post mortem»—если оное должно появиться—и постараемся, чтобы оно появилось как можно позже. Я очень рад, что вы довольны портретом.

Я чувствую себя довольно хорошо в Карлсруэ². Здесь я работаю немного больше, чем в Бадене; несколько раз хорошо поохотился: я присутствовал (у вел. герцога) при избиении кабанов, выпущенных в загон. Я даже подстрелил одного; появился, раскачиваясь и приятно улыбаясь, герцогский егерь и прикончил его. Он вонзил ему нож в сердце с таким видом, точно вручал ему визитную карточку, потом обтер лезвие о его трепещущий бок—и все улыбался. Это вызвало у меня воспоминание о Варфоломеевской ночи; мне казалось, что я молча и подло присутствую при убийстве. Именно подло—потому что я находился на своего рода импровизированной трибуне, а несчастные животные пробегали перед нами. А затем я подумал, что надо и это испытать.

Что поделявает Флобер? Видали ли вы его? Как его роман?³.

Передайте ему привет, а также и г-же Юссон, ее супругу и всем друзьям. Меланхолический Виардо чувствует себя недурно, я передал ему ваш поклон.

Пегас окончательно окривел—как Аннибал, Серторий, Филипп Македонский и Кутузов Российский. Несмотря на то, что у него столь знаменитые сокривые, я замечаю в нем развитие христианского смирения, того

И. С. ТУРГЕНЕВ
Офорт Э. Эдуэна, 1868 г.

самого, которое появляется, когда ничего другого не поделаешь. К тому же в левой лапе у него ишиас... Вот мы какие!

Дружески жму вам руку.

И. Тургенев

¹ Для нового, семитомного собрания своих сочинений, вышедшего в Москве, у бр. Салаевых в 1868—1869 гг., Тургенев заказал свой портрет Э. Эдуэну (Hédouin, 1820—1889), в то время самому модному граверу в Париже. В письме к Борису у от 28 ноября 1868 г. Тургенев просил его передать Салаеву, что портрет для нового собрания сочинений заказан «у первого парижского гравера». См. «Щукинский сборник», VIII, М., 1909, стр. 396—397. «Первый парижский гравер» брал очень высокие цены, как о том свидетельствует письмо от 26/14 апреля 1869 (см. ниже стр. 674).

² В Карлсруэ Тургенев переселился вместе с семейством Виардо в ноябре 1868 г.

³ Флобер тогда работал над «L'Education sentimentale»; роман был закончен в мае 1869 г.

Баден, Thiergartenstrasse 3
Среда, 26/14 апр[еля] [18]69 г.

Любезный друг,

Когда соберетесь в Баден-Баден? Здесь так чудно-хорошо, что не могу удержаться от этого вопроса. Правда, у вас в Париже кабинет, с которым должно быть очень трудно расстаться. Словом, когда бы вы ни приехали—вы всегда будете желанным гостем. Я совершил очень забавную поездку в Веймар. Там давали—не где-нибудь, а в театре,—одну из наших оперетт, и она имела большой успех¹.

Кстати, Эдуэн взял с меня за гравюру, за офорт², 1 000 франков. Когда он мне назначил эту цену, я решил, что сюда входит часть стоимости бумаги, печати и т. д. Оказывается—нет; я получил и оплатил новый счет без малого на 800 фр. 1 тысяча франков за портрет офортом—дороговато, и я не решусь взвалить их на плечи своему издателю. Приму часть на себя, вот и все.

У Пегаса, бедняги, один глаз стал прекрасного опалового цвета. А в общем, он здоров и еще позволяет себе проказы: на-днях пришел, воя и вопя, как оглашенный; ему намазали (вероятно, чтобы отвадить его от суки, которую он навещал слишком усердно) провинившуюся часть тела с к и п и д а р о м!!

Немцы изобретательны!

До скорого свидания, не так ли? Передайте мой дружеский поклон г-ну и г-же Юссон, а если Флобер еще в Париже, обнимите его за меня.

Ваш И. Тургенев

¹ Речь идет об оперетте Тургенева «Le dernier sorcier». Она была представлена на Веймарском театре 8 и 11 апреля 1869 г. в немецком переводе Рихарда Поля, музыкального критика и поэта (1826—1896). Тургенев написал по этому поводу фельетон, появившийся в «Санкт-Петербургских Ведомостях» в апреле 1869 г. См. этот фельетон в XII томе «Собрания сочинений» Тургенева, под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, М.—Л., 1928—1934.

Тургенев придавал этому спектаклю большое значение. Он писал Фету 18 февраля 1869 г.: «Что меня теперь интересует—это первое представление нашей оперетты Последний колдун с музыкой Виардо на Веймарском театре. Я непременно туда поеду и буду трепетать, хотя успех вероятен: музыка прелестная. Если оперетта понравится, это может иметь важное влияние на будущую карьеру Виардо; она займется композицией». Прием был радушный и горячий, но он не смог повлиять на карьеру Полины Виардо. См. Фет А., Мои воспоминания, М., 1890, II, стр. 193.

² Относительно портрета Тургенева—см. предыдущее письмо.

[Баден, ранее 1870 г.]

Любезный друг,

Я уезжаю послезавтра, в воскресенье; завтра до 3 ч. буду дома (я теперь живу на вилле Виардо); дружески кланяюсь вам и Ашару¹.

И. Тургенев

¹ Ашар Амедей (Achard, 1841—1875)—французский романист, друг Максима Дю-Кана.

[Ранее 1870 г.]

Любезный друг,

Извинитесь, пожалуйста, за меня перед г-жей Юссон: приняв утром ее первое приглашение, я забыл, что должен сегодня обедать у графа Фле-

минга¹; это было условлено заранее, и я не могу не быть. Но если г-жа Юссон позволит, я приеду тотчас же после обеда и останусь на вечер.

Дружески жму вам руку.

Четверг, полночь.

И. Тургенев

¹ Граф Флеминг был прусским послом в герцогстве Баденском. См. письмо Тургенева к Боткину от 20 апреля 1867 г.: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка, под ред. Н. Бродского, М., 1930, стр. 261.

13

Любезный друг,

[Ранее 1870 г.]

Я только что узнал от M-lle Марс, что вы просили у нее *Récits d'un chasseur* [«Записки охотника»] и что она не смогла их вам достать. Посылаю вам свой экземпляр и прошу держать его сколько вам будет угодно, но при чтении не забывать того, что я вам говорил о тусклом и «протокольном» характере перевода.

Дружески жму вам руку.

И. Тургенев

14

Любезный друг,

[Париж, 27 ноября 1880 г.]

Как вам известно, вы входите во Флоберовский комитет, что вполне естественно¹. Я заезжал получить ваше письменное согласие для передачи его исполнительной подкомиссии, которая соберется завтра у меня (я один из вице-председателей). Главный комитет отличается тем, что не будет заседать постоянно, но подкомиссия будет испрашивать его одобрения на все, что сочтет нужным предпринять.

Дружески жму вам руку; надеюсь, до свидания!

50, rue de Douai.

Иван Тургенев

¹ Комитет по сооружению памятника Флоберу. См. письмо к Золя от 28 ноября 1880 г.: *Halpérine-Kaminsky*, р. 257, и письмо к Гонкуру от 24 ноября 1880 г. в настоящем издании (стр. 705—706).

15

Любезный друг,

Париж, 50, rue de Douai
Вторник, 21 дек[абря] [18]80 г.

Будьте так любезны прибыть в пятницу к 4 часам на Rue de Douai 50. Вы застанете нашу подкомиссию в сборе¹, и мы сможем поговорить о деле Флобера, которое принимает довольно дурной оборот².

А пока—дружески жму вам руку.

Иван Тургенев

¹ См. приглашения, посланные Тургеневым в тот же день Золя, Эредиа (в адрес Мопассана) и Гонкуру: *Halpérine-Kaminsky*, стр. 258—272, и письмо к Гонкуру в настоящем издании.

² Тургенев опубликовал в «Русских Ведомостях» от 27 ноября ст. стили 1880 г. открытое письмо Боборыкину о подписке на памятник Флоберу. Письмо это встретило очень холодный прием. Тургенев писал Полонскому 22 декабря 1880 г.: «Ругательные статьи во всех газетах, град анонимных писем и пр.—осязательно доказали мне, что, обращаясь к российской публике за несколькими грошами в пользу памятника моему другу Флоберу—я сделал глупость». См. Клеман, стр. 299, и «Первое собрание писем Тургенева», СПб. 1884, стр. 368.

Париж, 50, rue de Douai
22 янв[аря] [18]81 г.

Любезный друг,

Мопассану пришлось уехать, у него семейные неприятности. Я все же надеюсь повидаться с ним завтра; он даст вам сведения о семье, которая, очевидно, не предпримет ничего, но надо знать это наверняка¹.

Дружески жму вам руку.

Ив. Тургенев

¹ Из этого письма видно, что Дю-Кан проявлял некоторый интерес к участи Мопассана. Но осенью того же года между ними произошла ссора, навсегда оборвавшая их отношения. Дю-Кан опубликовал в своих «Souvenirs littéraires» подробности о нервном заболевании Флобера. Это была нескромность, основанная на зависти. Друзья Флобера дали Дю-Кану решительный отпор; Мопассан написал в ответ яростную статью (Camaraderie, «Le Gaulois», 25 octobre 1881). См. Dumesnil (René), Guy de Maupassant, P., 1933, pp. 166—167. О взаимоотношениях Тургенева с Мопассаном см. Halpérine-Kaminsky, pp. 267—275.

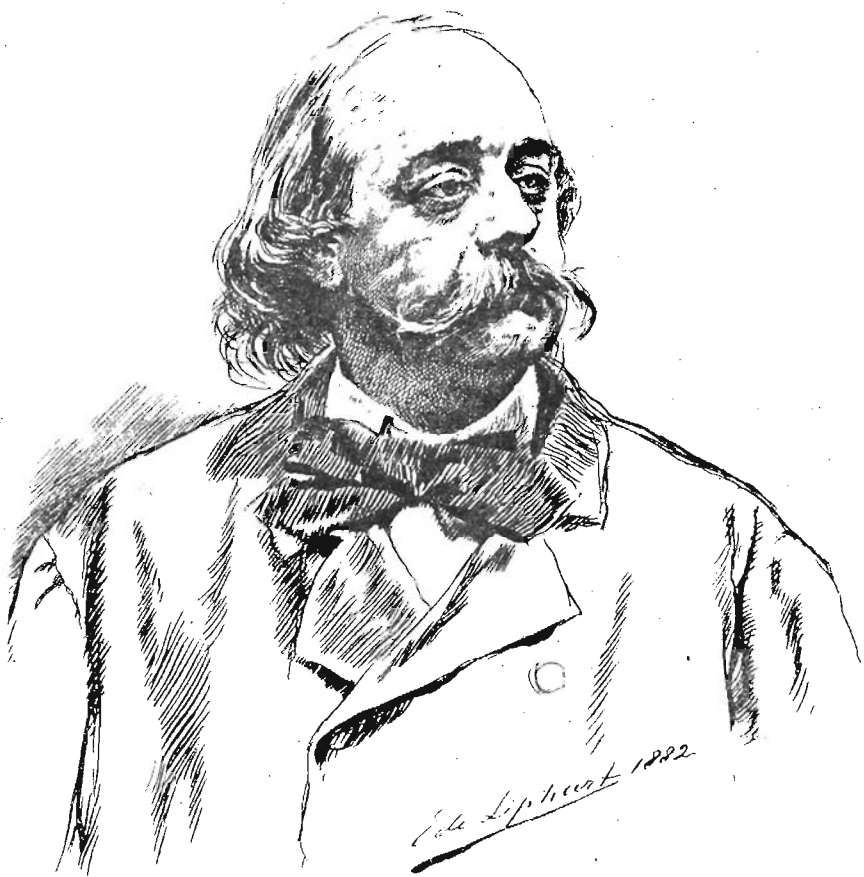
II. ПИСЬМА К ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Значительная часть переписки Тургенева с Флобером известна уже давно; благодаря ей, а также и множеству других свидетельств, известно и то, что этих двух писателей связывала тесная дружба. И все же публикуемые в настоящем издании 24 новых письма Тургенева (с 19 ноября 1868 г. по 6 мая 1880 г.) являются ценным дополнением к истории этой дружбы. Мы сочли уместным присоединить к ним отрывок из письма от 23 июня (4 июля) 1876 г.; письмо это неточно воспроизведено Гальпериным-Каминским и показывает, как велика необходимость сверки уже опубликованных писем с оригиналами. Отныне историки русской литературы будут располагать собранием писем, которое следовало бы со временем выпустить отдельным изданием, чтобы всесторонне осветить тесную и глубокую, длившуюся около 20 лет, связь этих двух писателей. Последнее письмо настоящей публикации (от 6 мая 1880 г.) трогательно завершает эту переписку; оно не дошло до того, кому предназначалось: Флобер умер 8 мая, когда оно еще находилось в пути. «Нет нужды говорить о моем горе: Флобер был одним из тех, кого я больше всего любил на свете,—писал Тургенев Золя 23 мая 1880 г.—Ушел не только большой талант: он был необыкновенным человеком и являлся центром для всех нас». Достаточно напомнить эти слова; всякие комментарии только ослабили бы их.

Нижеследующие письма лишний раз, с интимной стороны, освещают картину этой горячей дружбы: то это простые записки, радостно назначающие день свидания, то краткие письма с жалобой на подагру или на близкую старость и извещающие в то же время о «вечеринке с танцами», устраиваемой для дочерей г-жи Виардо (письмо от 27 октября 1872 г.), и о припасенном для Флобера подарке, о «халате, прекрасном, как халат шаха персидского или, вернее, бухарского хана» (письмо от 11 июля 1877 г.), то это письма деловые—в том благородном значении слова, как понимал его Тургенев, т. е. письма о делах посторонних людей, об услугах друзьям—будь то хлопоты об ознакомлении немецкой публики с «Искушением св. Антония» (письмо от 17 мая 1874 г.) или о предоставлении разорившемуся Флоберу почетной должности в библиотеке Мазарини (письма от 7, 9 и 13 февраля 1879 г.), то это, наконец, задушевная беседа, какую является прекрасное письмо от 8 ноября 1872 г., основное в настоящем собрании.

Биографам Флобера и Тургенева станет теперь понятным тот досадный и несколько нелепый случай, когда Гамбетта отказал Флоберу, вообще ничего ни у кого не тре-

бовавшему, в предоставлении ему должности хранителя библиотеки Мазарини (о чем Флобер и не просил), должности, на которую, впрочем, он впоследствии был назначен номинально. Случай этот долгое время оставался неясным; статья, появившаяся в «Figaro» 15 февраля 1879 г. за подписью Aristophane, содержала весьма неубедительные данные (см. Dumesnil René, Gustave Flaubert, P., 1932, pp. 289—290). Письмо Тургенева от 13 февраля 1879 г. исключает всякие сомнения на

ГЮСТАВ ФЛОБЕР

Рисунок Э. Липгарта, 1882 г.

Институт литературы Академии наук СССР, Ленинград

этот счет: именно Тургенев, со свойственным ему благородством—на этот раз опротчивым,—взял это дело в свои руки, но не смог довести его до конца, так как «диктатор» отклонил честь познакомиться с ним лично; Тургенев же, сделавшийся от возмущения разговорчивее, чем обычно, помимо воли дал повод к появлению злополучной статьи в «Figaro». Как бы то ни было, мы обязаны этим хлопотам тем, что они позволяют нам заглянуть в один из тех салонов, которые, по выражению Тургенева, «управляют и распоряжаются Францией».

Еще значительнее письмо от 8 ноября 1872 г.; здесь мы находим нечто более важное, чем уточнение фактических данных: это письмо, вызванное смертью Теофиля

Готье, является ценным человеческим документом, освещающим различные оттенки усталости от жизни, усталости, которую почувствовали Флобер и Тургенев к пятидесяти годам. Дорогие им люди исчезают один за другим; переписка двух друзей принимает грустный тон: «от этого веет недугами, смертью»; а посредственность остающихся в живых угнетает их. Флобера осаждают мрачные мысли; Жорж Санд жалеет его. Его гнетет «плебс». Тургенев напоминает ему другие, с его точки зрения более достойные отвращения факты. «...Разве господин Александр Дюма-сын, эта «сволочь» (пользуюсь вашим выражением) в образе человека,—плебей? А г. Сарду и г. Оффенбах, а г. Вакри и все прочие, разве они плебей? А между тем, от них изрядно несет. От плебса тоже несет, но несет словечком Камброна; от них — просто гнилью». Это, несомненно, реакция аристократов — аристократов духа — на поднимающуюся волну ремесленников пера; это реакция литературной группы с высокими идеалами на деятельность писателей, гонящихся за легким успехом и являющихся любимцами широкой публики (часть предисловия Тургенева к роману Максима Дю-Кана «*Les Forces perdues*» проникнута теми же критическими тенденциями). Но диагноз Тургенева заходит дальше и глубже: это «общий *taedium vitae*», это «тоска и отвращение ко всему человеческому»; это «грусть пятидесятилетнего человека». Каждый переживает этот недуг по-своему: Флобер негодуя кричит, Тургенев — жалобно стонет, и в его жалобе, в грустной улыбке, сопровождающей эту жалобу, мы узнаем настроения, которые вскоре вдохновят «Стихотворения в прозе». В письме он, однако, отвечая Флоберу, жалеет, не без лукавства, также и об утрате веры в человечество. «И вот что восхищает меня в госпоже Санд: какая ясность, какая простота, какой интерес ко всему, какая доброта! И если для этого надо отличаться некоторой снисходительностью, демократичностью, даже евангельскими чертами — что ж! примем и эти преувеличения». И письмо заканчивается прекрасным утверждением непреклонного художника: «Пусть мы скептики, критиканы, поношенные и усталые, — нас подхлестывает бич поэзии; нужно смело идти до конца...».

A. Mazon

ТУРГЕНЕВ—ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

1

[Париж], Hôtel Byron, rue Laffitte
Четверг [19 ноября 1868 г.]

Я выеду, любезный друг мой, в воскресенье в 8 ч. утра экспрессом и буду счастлив увидеть вас тотчас же по приезде.

Итак, до воскресенья. Дружески жму вам руку.

И. Тургенев¹

¹ Записка относится к поездке Тургенева в Круассэ в воскресенье, 22 ноября 1868 г. См. письмо к Флоберу от 24 ноября 1868 г.: Halpérine-Kaminsky, p. 51, и Клеман, стр. 178.

2

Париж, Hôtel Byron, rue Laffitte
Пятница [26 марта 1869 г.]

Любезный друг,

Я приеду к вам в воскресенье в 2 часа; удобно ли это вам? Нам нужно многое обсудить сообща.

Ваш И. Тург[енев]¹

¹ Эта и следующая записки относятся, видимо, к пребыванию Тургенева в Париже в марте 1869 г., когда он несколько раз виделся с Флобером. См. письмо к Флоберу от 21 марта 1869 г.: Halpérine-Kaminsky, p. 53, и Клеман, стр. 182.

3

[Париж], Hôtel Byron, rue Laffitte
Суббота [27 марта 1869 г.]

Любезный друг,

Вчера я писал вам, что буду у вас в воскресенье в 2 часа, но смогу быть лишь к 3-м, однако, никак не позже.

Ваш И. Тургенев

4

Баден-Баден, Villa Viardot
18 ноября 1871 г.

Любезный друг мой,

После всевозможных напастей и отсрочек, вызванных приступом подагры и делами, которые, пожалуй, стоят подагры,—я завтра уезжаю в Париж¹; если ничего со мной не случится, буду там в понедельник, а во вторник увижусь с вами, ибо предполагаю, что вы находитесь там, а потому и посылаю это письмо на улицу Мурильо.

Итак, до скорого свиданья—завтра, вслед за этим письмом². Обнимаю вас.

Ваш И. Тургенев

¹ У Тургенева был приступ подагры в сентябре 1871 г.; в сентябре же он продал свой дом в Бадене, который покидал навсегда, переселяясь вместе с семейством Виардо в Париж. Но так как парижская квартира еще не была готова, Тургенев вынужден был прожить в Бадене, на вилле Виардо, до 19 ноября. В этом и заключались «напасти», «отсрочки» и «дела», о которых говорится в письме. См. письма к Пичу от 15 сентября и 14 ноября 1871 г.: *Turgéniew an Pietsch*, S. 127—129.

² Встреча состоялась лишь 30 ноября. Тургенев задержался из-за некролога, который он взялся написать о Н. И. Тургеневе, скончавшемся 10 ноября. См. письмо к Флоберу от 28 ноября 1871 г.: *Halpérine-Kaminsky*, pp. 62—63, и *Клеман*, стр. 204—205.

5

Париж, 48, rue de Douai
Понедельник [декабрь 1871—январь 1872 г.]¹

Любезный друг мой,

Вы приглашаете меня, оказывается, на пятницу; по пятницам у г-жи Виардо бывают музыкальные вечера, на которых я не могу отсутствовать. Я хочу только предупредить вас, что я должен быть дома не позднее, чем без $\frac{1}{4}$ десять. Надеюсь, что это ничему не помешает.

Дружески жму вам руку.

Ваш старый

И. Тург[енев]

¹ Дата приблизительная. Судя по содержанию письма, оно написано, вероятно, еще до того, как Тургенев ввел Флобера в дом Виардо, т. е. ранее февраля 1872 г. Возможно, что это ответ на недошедшее до нас письмо Флобера, являвшееся, в свою очередь, ответом на письмо Тургенева от 19 января 1872 г. См. *Клеман*, стр. 208, и *Halpérine-Kaminsky*, p. 63.

6

Париж, 48, rue de Douai
21 октября [1872 г.]

Любезный друг мой,

Я не сразу ответил на ваше первое письмо потому, что мне хотелось сообщить вам, когда я смогу быть у вас. Сегодня мне, наконец, кажется, что подагра покидает меня и что я смогу отправиться в Крюассэ на будущей

неделе в понедельник или во вторник. Прежде чем посетить ваши края, я должен побывать в окрестностях Шатодена у своей дочери, ибо она подарила меня внучкою, которой я еще не видел¹. Во всяком случае, накануне отъезда к вам я черкну вам словечко.

Нет нужды говорить о том, как мне хочется повидаться с вами.

А пока—дружески обнимаю вас.

Ваш И. Тургенев

¹ Внучка Тургенева, Ж а н н а, родилась 18 июля 1872 г. Первый раз он увидел ее в четверг, 24 октября. Он собирался поехать крестить ее приблизительно 23 сентября, но вынужден был отказаться от этого намерения, повидимому, из-за приступа подагры. Клеман предполагает, основываясь на письмах к Пичу и Флоберу, что поездка на крестины, действительно, состоялась. Настоящее письмо доказывает противное. См. К л е м а н, стр. 210—211; письмо к Пичу от 14 сентября 1872 г., T u r g e n i e w a n P i e t s c h, S. 141 и письмо к Флоберу от 27 октября 1872 г. в настоящей публикации.

7

Париж, 48, rue de Douai
Воскресенье, 27 окт [ября] 1872 г.

Любезный друг,

В ч е т в е р г я навестил свою дочь; вернулся оттуда в п я т н и ц у, с большим трудом. Ночь с пятницы на субботу я п р о в ы л от боли; сегодня боль утихла, но колено сделалось величиною с голову, и вот я прикован к постели, по крайней мере, на две недели. Это о д и н н а д ц а т ы й припадок подагры! Согласитесь, что мне исключительно везет.

А поэтому я дал себе слово не трогаться с места до весны, до того времени, когда поеду в Карлсбад на воды. Фу, жизнь становится уж слишком противной; меня от нее начинает прямо-таки тошнить. Если захотите меня повидать, вам придется приехать в Париж. Приезжайте 9 ноября, это день моего рождения, а я давно уже обещал дочерям г-жи Виардо устроить им в этот день вечеринку с танцами, хотя обстоятельства складываются так, что у меня нет особых оснований радоваться, что я родился в этот день¹. Впрочем, танцовать будут внизу, а мы с вами побеседуем наверху, и я прослушаю конец А н т о н и я (если вы его привезете), ибо он интересует меня, несмотря на все мои немощи и на отвращение к жизни².

Напишите мне словечко: я совсем пал духом. Тем не менее, сердечно обнимаю вас.

Ваш И. Тургенев

¹ Встреча не состоялась. Именно 9 ноября у Тургенева был двенадцатый приступ подагры, самый тяжелый из всех. В письме к Пичу от 18 ноября 1872 г. он писал: «Не могу не поблагодарить вас, хоть и с опозданием, за ваши пожелания ко дню моего рождения, но и не скрою, что, вероятно, как раз в ту самую минуту, как вы брались за письмо, я от всей души проклинал этот злополучный день». См. T u r g e n i e w a n P i e t s c h, S. 106.

² Флобер закончил «Искушение св. Антония» 20 июня 1872 г. (дата на рукописи). Тургенев, восторгавшийся этим произведением, с нетерпением ожидал его окончания. Он писал Флоберу 7 октября: «Мне очень хочется видеть вас, говорить с вами и услышать конец Антония». См. H a l p é r i n e - K a m i n s k y, p. 68.

8

Париж, 48, rue de Douai
Пятница, 8 ноября 1872 г.

Любезный друг мой,

С некоторых пор мы пишем друг другу очень грустные письма; от них веет недугами, смертью; это не наша вина, но надо постараться встряхнуться.

Я очень мало знал Готье; помните наш совместный обед у вас? Все же я очень огорчился, узнав о его кончине, и тотчас же подумал о вас; я знаю, что вы его любили¹. Госпожа Санд пишет мне о вас в записочке, которую я только что получил от нее; она обеспокоена мрачными мыслями, в которые вы погружены, и пишет, чтобы я постарался внушить вам другие, более веселые². Не знаю, что бы я сказал вам, знаю только, что продолжительная и сердечная беседа принесла бы облегчение нам обоим. Ах, но как же устроить эту беседу? Проклятая подагра, как будто, разжала когти, но нечего и помышлять о поездке: я теперь уже хожу,—хромая, без сапог,—но еще не выходил из своих двух комнат. Следовательно, приходится ждать вашего приезда сюда.

à mon ami Edouard Delessert
G. Flaubert

SALAMMBO

GUSTAVE FLAUBERT

SALAMMBO

PARIS

MICHEL LÉVY FRÈRES, LIBRAIRES ÉDITEURS
RUE VIVIENNE, 2 BIS, ET BOULEVARD DES ITALIENS, 15
À LA LIBRAIRIE NOUVELLE

1865

Tous droits réservés

ЭКЗЕМПЛЯР „САЛАМБО“ С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ФЛОБЕРА ЭДУАРДУ ДЕЛЕССЕРУ
Институт литературы Академии наук СССР, Ленинград

Зачем вам так беспокоиться о плебсе, как вы говорите? Он властен только над тем, кто сам поддается его игу. Вот когда уместно сказать: «etiam si omnes, ego pop». А затем, разве господин Александр Дюма-сын, эта «сволочь» (пользуюсь вашим выражением) в образе человека,—плебей? А г. Сарду и г. Оффенбах, а г. Вакри и все прочие, разве они плебей? А между тем, от них изрядно несет. От плебса тоже несет, но несет словечком Камброн; от них—просто гнилью³. Наконец, пока есть на свете кто-то, кто любит и сочувствует вам...

Нет, друг мой, не это тягостно в нашем возрасте; тягостен общий *taedium vitae*, тягостна тоска и отвращение ко всему человеческому; дело не в политике, которая в конечном счете не что иное, как игра; дело в грусти пятидесятилетнего человека. И вот что восхищает меня в госпоже Санд: какая ясность, какая простота, какой интерес ко всему, какая доброта!

И если для этого надо отличаться некоторой снисходительностью, демократичностью, даже евангельскими чертами—что ж! примем и эти преувеличения⁴.

Вам нужно приехать в Париж и привезти с собою А н т о н и я, потом заняться планами на будущее, зажить полной жизнью. Пусть мы скептики, критиканы, поношенные и усталые,—нас подхлестывает бич поэзии; нужно смело идти до конца, особенно, когда можно подбадриваться видом товарища, которого толкает вперед та же сила.

Я не перечитываю этого аллегорически-метафизического письма⁵, не знаю хорошенько, что я написал, знаю только, что обнимаю вас и говорю вам: до свидания.

Ваш И. Тургенев

¹ Теофиль Готье скончался 23 октября 1872 г. Его смерть очень огорчила Флобера. К скорби о кончине друга примешивалось отвращение к жизни; смерть Готье представлялась Флоберу символическим событием, обнаружившим глубокое противоречие между душою художника и современностью. 25 октября 1872 г. он писал своей племяннице: «Никогда еще, с тех пор как я обретаюсь на земле, не душило меня такое отвращение к людям. Я беспрестанно думаю о любви моего старого Тео к искусству и чувствую, что утопаю в целом море нечистот. Ибо он умер—я уверен—оттого, что задохнулся от современной пошлости» (см. Flaubert, Correspondance, VI, p. 433).

В последующие дни Флобер написал своим друзьям, в частности, Ж. Санд и Тургеневу, ряд писем, отмеченных тем же чувством отвращения и грусти. Вот начало его письма к Тургеневу (среда, 30 октября 1872 г.) в ответ на письма от 21 и 27 октября: «Как мне жаль вас, бедный дорогой друг. Мне и без известия о вашей болезни было очень грустно. Смерть старика Тео меня сокрушила. Вот уже три года, как один за другим умирают мои друзья. Теперь у меня остается в мире только один человек, с которым я могу поговорить: это вы. Следовательно, вам нужно лечиться и не подводить меня, как другие» (см. Flaubert, Correspondance, VI, p. 437).

Тургенев мало знал Теофиля Готье. Сохранилось одно единственное его письмо к поэту: оно выдержано в довольно официальном тоне, и едва ли существуют другие письма, кроме этого (см. письмо к Готье от 19 мая 1872 г.: Halpérine-Kaminsky, pp. 171—172). Обед, о котором говорит Тургенев, состоялся в субботу 2 марта 1872 г. Он описан Эдмоном де Гонкуром, присутствовавшим на нем. Готье сидел «с бледным, как маска Пьеро, лицом, был сосредоточен, никого не слушал, ничего не говорил... В нем есть уже нечто от умирающего, который слегка пробуждается и освобождается от своего печального и замкнутого «я» лишь при разговоре о стихах и поэзии» (см. Journal des Goncourt, V, pp. 23—26).

² Записка Жорж Санд хранится в архиве Литературного музея в Москве (дата почтового штемпеля 1 ноября 1872 г.). Публикуется впервые в третьем выпуске настоящего издания—см. Каренин Вл., Автографы Жорж Санд в СССР.

³ Весь этот отрывок является ответом на следующие фразы из письма Флобера от 30 октября 1872 г.: «Тео умер, задохнувшись от современной мерзости. Исключительно-художественным личностям, вроде него, нечего делать в обществе, где царствует плебс». (См. Flaubert, Correspondance, VI, p. 438). Тургенев пытается разграничить понятия «сволочь» («charognerie») и «плебс», которые для Флобера составляют одно целое. Выражение «charognerie» Флобер заимствовал у Готье; он сам говорит об этом в письме к Жорж Санд от 28 октября 1872 г., в котором развивает ту же мысль: «Он умер, говорю вам, от «современной сволочи». Это его словечко, он в течение этой зимы несколько раз повторял мне его...» (см. Flaubert, Correspondance, VI, pp. 439—440).

Нападая на Александра Дюма-сына, Сарду, Оффенбаха и Вакри—«сволочей», не являющихся «плебеями», Тургенев высказывает, разумеется, свое собственное мнение, но несомненно, что он в то же время и главным образом выражает и мнение Флобера. В письмах Флобера зачастую встречаются выпады против этих лиц (в особенности против первых троих). Вот для примера один из таких выпадов. Флобер присутствовал на первом представлении «Roi Carotte» (опера Оффенбаха, либретто Сарду). 21 января 1872 г. он пишет Жорж Санд: «Трудно себе представить подобную заразу... Публика была вполне согласна со мною. Оффенбах вторично провалился в Opéra-Comique с «Fantasio». Научатся ли когда-нибудь ненавидеть вранье?

ГЮСТАВ ФЛОБЕР

Акварель Эжена Жиро с автографом
писателя

Национальная библиотека, Париж

Это явилось бы шагом вперед на пути добра» (см. Flaubert, Correspondance, VI, p. 343).

Ва к р и Огюст (Vacquerie, 1819—1895)—литератор, журналист и драматург, эпигон романтизма.

⁴ Это место является ответом на следующие слова из письма Флобера от 30 октября 1872 г.: «...Госпожа Санд очень добра,—даже слишком добра, слишком снисходительна, слишком демократка и христианка» (см. Flaubert, Correspondance, VI, p. 438).

⁵ «Аллегорически-метафизическое» письмо глубоко тронуло Флобера. Он писал своей племяннице (9 ноября 1872 г.): «Я получил утром прелестное письмо от добряка Тургенева» (см. Flaubert, Correspondance, VI, p. 445).

9

Берлин, Hôtel de St.-Pétersbourg
Воскресенье, 17 мая 1874 г.

Любезный друг,

Посылаю вам статью об А н т о н и и, только что появившуюся в «National Zeitung». Автор ее—К. Френцель; в общем, она довольно благосклонна¹. Но почему не посланы, как я просил, экземпляры Юлиану Шмидту, первому немецкому критику, и Людвигу Пичу, первому немецкому фельетонисту? Я ведь их упомянул в своем списке, я в этом с о в е р ш е н н о у в е р е н. Повторяю их адреса:

Dr. Julian Schmidt, Kurfürstenstrasse, № 70, Berlin.

Mr. Ludwig Pietsch, Landgrafenstrasse, № 8, Berlin.

Я обоих их видел, и оба жаловались, что ничего не получили².

Посылаю вам это письмо в Париж, так как предполагаю, что вы все еще там; впрочем, если вы уже уехали, вам, наверное, его перешлют.

Сегодня вечером отправляюсь в Петербург; послезавтра, если со мной ничего не случится, буду обедать уже там. Мой петербургский адрес: гостиница Демут.

Сердечно обнимаю вас.

Ваш старый
И. Тургенев

¹ Статья, о которой идет речь, появилась в № 221 (от 13 мая 1874 г.) берлинской «National Zeitung», где, начиная с 1861 г., вел фельетон модный в то время журналист и романист Карл-Вильгельм Френцель (Frenzel).

² Тургенев известил Пича о высылке «Искушения св. Антония» еще 2 апреля 1874 г. Однако, издатель книги, Жорж Шарпантье, не выслал ее ни Пичу, ни Ю. Шмидту. Настоящее письмо Тургенева не могло содействовать высылке, так как Флобер его потерял. 20 мая 1874 г. Флобер писал Шарпантье: «Письмо Тургенева я потерял». Он выражал, однако, надежду, что Шарпантье отыщет адреса Пича и Шмидта в списке, составленном Тургеньевым; но, к несчастью, сам он нетвердо помнил фамилии немецких критиков. «Один из них Шмидт, а другой — Х... — очень важное лицо, как подчеркивает Тургенев». Пич получил экземпляр «Искушения» лишь в октябре 1874 г.; книгу выслал лично Тургенев. См. Turgeniew an Pietsch, SS. 117, 118, 123, и Flaubert, Correspondance, VII, pp. 138 — 139.

Ш м и д т Генрих-Юлиан (Schmidt, 1818 — 1886) — историк литературы, автор «Geschichte der französischen Literatur seit der Revolution». Leipzig, 1857 (2-е изд. 1873 — 1874). Он был в дружеских отношениях с Тургеньевым, о котором поместил большую статью в «Preussische Jahrbücher», XX, 1868. В этом же журнале появилась его статья об «Искушении св. Антония» (XXXIV, 1874). См. письма Тургенева к Шмидту в «Вестнике Европы», 1909, кн. 3.

Пич, начиная с 1864 г., был фельетонистом берлинской «Vossische Zeitung».

10

Буживаль, Les Frênes. 16, rue de Mesmes
Среда, 11 июля [18]77 г.

Старый друг,

Вот я и вернулся; нахожусь здесь со вчерашнего дня. Мое путешествие сократилось из-за жесточайшего припадка подагры (!!!), случившегося в С.-Петербурге¹. Я привез вам халат, прекрасный, как халат шаха персидского или, вернее, бухарского хана! Но я не уверен, в Круассэ ли вы в настоящее время; напишите мне словечко. Мы подумаем, как бы нам свидеться². Пока что нога у меня еще опухла, и я хожу с трудом. Работаете ли вы? Как здоровье? Дружеский поклон всем, обнимаю вас.

Ив. Тургенев

¹ Приступ подагры случился в конце июня 1877 г. Из-за него Тургеневу пришлось отказаться от намеченной поездки в Москву. Тургенев выехал за границу из Петербурга 6 июля. См. Клеман, стр. 260.

² Флобер находился в то время в Круассэ, однако, встреча их не состоялась. Тургенев все еще недомогал. Халат он послал Флоберу железной дорогой. См. письмо к Флоберу от 24 июля 1877 г.: Halpérine-Kaminsky, pp. 103 — 104.

11

Париж, 50, rue de Douai
Среда, 4 дек[абря] [18]78 г.

Разумеется, любезный друг, я подожду, пока вы мне не напишете приезжать, и надеюсь, что вы не замедлите сделать это¹. Очень огорчен, что вы находитесь в таком затруднительном положении, и надеюсь, что вы

все это преувеличиваете под влиянием нервов². Что касается тягости жизни, то всякая жизнь после пятидесяти лет становится тягостной. Ну, до скорого свидания—не так ли?

Обнимаю вас.

Ваш старик
Ив. Тургенев

¹ Флобер послал Тургеневу записочку, овеянную грустью («записочку, грустный тон которой меня взволновал»). Тургенев немедленно ответил ему, сообщая, что в ближайшем будущем собирается «нагрянуть в Круассэ». (См. письмо от 27 ноября 1878 г.; Halpré-gine-Kaminsky, pp. 114—116). Флобер, очевидно, ответил, что он даст знать, когда приехать.

² Дела Флобера находились, по его собственному выражению, в плачевном состоянии. Даллоз отказывался поместить в «Moniteur» «Чертог сердец» («Le Château des Cœurs»), а Шарпантье отказывался выпустить давно намеченное роскошное издание «Легенды о святом Юлиане Гостеприимце». «Моя литература падает в цене»,— писал Флобер Лабарру. См. письмо к Золя от 27 ноября 1878 г. и письмо к Лабарру от 3 декабря 1878 г.: Flaubert, Correspondance, VIII, pp. 162—163, 167.

12

Париж, 50, rue de Douai
Пятница утром [7 февраля 1879 г.]

Любезный друг мой,

Вот вам ответ на два ваших письма¹. Не тревожьтесь—о вашем деле хлопочут, и надо сказать, что Золя и чета Шарпантье² проявляют себя с самой лучшей стороны. Я очень обрадован вашим согласием и не уеду в Россию прежде, чем выяснится этот вопрос. Буду сообщать о ходе дела. Возникло новое небольшое затруднение: Бодри—зять Сенара, а Сенар способствовал образованию нового кабинета³. Но Гамбетта попрежнему проявляет к вам живейший интерес,—а это главное. Мы сделаем все, что потребуется.

Вы умалчиваете о своей ноге⁴,—это хороший знак. Надеюсь, по крайней мере. Дружеский привет М-ле Лапорт. Обнимаю вас.

И. Т.

P. S. Возможно, что напишу вам завтра.

¹ Это письмо, как и пять следующих писем и телеграмма, связаны с поступлением Флобера в библиотеку Мазарини (Bibliothèque Mazarine). Должность хранителя библиотеки должна была освободиться, ввиду смертельной болезни знаменитого ученого Сильвестра де Саси (1801—1879), занимавшего ее с 1836 г., а потому друзья Флобера—Тэн, Тургенев, Золя и супруги Шарпантье—предприняли хлопоты о предоставлении этого места Флоберу. Барду, министр народного просвещения в кабинете Дюфора (февраль 1877—март 1879), казалось, весьма доброжелательно отнесся к этому проекту. Осталось только добиться согласия Гамбетты, от которого, в сущности, зависело решение вопроса. В таком именно положении находилось это дело к тому времени, когда Тургенев приехал в Круассэ (понедельник, 3 февраля 1879 г.), чтобы убедить Флобера согласиться на эту должность. Флобер чувствовал отвращение к карьере чиновника, но, так как денежное положение его ото дня на день ухудшалось, пришлось согласиться. Вот как Флобер рассказывает об этой встрече своей племяннице в письме от 22 февраля 1879 г.: «Тургенев сделал торжественное лицо и сказал мне: «Гамбетта спрашивает, желаете ли вы занять место господина де Саси: 8000 франков и квартира. Дайте мне ответ немедленно». При помощи красноречия и ласки (именно ласки)... он преодолел мое отвращение к чиновничеству... И после бессонной ночи я ответил ему: «Действуйте!» На другой день получаю от него письмо, в котором он говорит, что ошибся, что оклад только 6000, но что он все же считает, что нужно продолжать хлопоты». Флобер согласился и на эти условия. Об этих-то двух письмах и говорит Тургенев. См. Flaubert, Correspondance, VIII, p. 216, а также письма Тургенева к Золя от понедельника [3 февраля

1879 г.] и четверга [6 февраля 1879 г.]: Halpérine-Kaminsky, pp. 251—252 (даты этих писем в издании Гальперина-Каминского не уточнены).

² Шарпантье (Charpentier) — издатель Флобера Жорж Шарпантье и его жена. О них см. Descharmes (R.) et Dumesnil (R.), *Autour de Flaubert*, P., 1912, vol. II.

³ Сенар (Senard, 1800 — 1885) — политический деятель и депутат, в феврале 1877 г. участвовал в образовании кабинета Дюфора. Он просил должность хранителя библиотеки для своего зятя, филолога и литератора Бодри (1818—1885), служившего в то время библиотекарем в Арсенальной библиотеке. Любопытно отметить, что один из противников Флобера — Бодри — был его другом детства, а другой — Сенар — адвокатом, выступавшим в качестве защитника Флобера в процессе о «Госпоже Бовари».

⁴ Флобер сломал себе ногу, оступившись во дворе Круассэ, во время гололеда, 27 января 1879 г.

13

Париж, 50, rue de Douai
Воскресенье утром [9 февраля 1879 г.]

Любезный друг,

Сегодня опять нет новостей... Окончательный ответ от Гамбетты будет завтра. Я останусь здесь до четверга. Сведения, которые вы сообщаете в сегодняшнем письме, я приму во внимание. Я не знаком с госпожей Пелуз, но с нею знакомы, кажется, Шарпантье; что касается госпожи Адан¹, я однажды встретился с нею на аукционе, и она была со мною очень любезна. Я напишу ей и попрошу принять меня. Почему вы сами не напишете госпоже Пелуз²? Раз вы уж решились, надо действовать быстро. Глупее всего то, что господину де Саси стало лучше и что поговаривают даже о возможности его полного выздоровления³.

Очень рад был узнать, что в среду вы уже встанете. Смотрите — не утруждайте ногу! Пока не уеду — буду писать вам каждый день.

Обнимаю вас.

Ваш И. Тургенев

¹ Салон госпожи Адан (M-me Edmond Adam) посещался всеми выдающимися лицами, сочувствовавшими республиканской партии. При помощи г-жи Адан друзья Флобера и надеялись добиться от Гамбетты благоприятного ответа.

Не легко в точности установить, как протекали хлопоты. Флобер писал своей племяннице 22 февраля 1879 г.: «Гамбетта ровно ничего и не обещал. Гонкур, а также и Шарпантье, которые из кожи вон лезли, попросили его предоставить мне какую-нибудь синекуру. Они написали госпоже Адан, которая ко мне очень расположена» (см. Flaubert, *Correspondance*, VIII, p. 216).

² О госпоже Пелуз (Pelouze), владелице замка Шенонсо, см. Dumesnil (René) *Gustave Flaubert*, P., 1933, pp. 284—285.

³ Сильвестр де Саси умер 14 февраля 1879 г.

14

Телеграмма

13 февраля 1879 г.

Гюставу Флоберу Круассэ близ Руана

Не рассчитывайте [на успех]. Окончательный отказ. Подробности письмом¹.

Тургенев

¹ См. следующее письмо.

15

Париж, 50, rue de Douai
Четверг утром [13 февраля 1879 г.]

Любезный друг мой,

Из телеграммы, которую я послал сегодня утром, вам уже известно о крушении всех наших планов. Вот подробности. Когда я вернулся в Париж, мы решили следующее: я должен был постараться переговорить с Гамбеттой, потом с Ферри¹ и, если понадобится, с Бодри. В четверг вечером получаю первое письмо Золя (при сем прилагается) и вследствие этого — задержка. Прошу свидания у госпожи Э. Адан² — ответа нет. В понедельник утром — письмо от Золя вместе с записочкой госпожи Шарпантье (посылаю вам и это). Судите о моем изумлении. Нанимаю извозчика и еду прямо в Президентский дворец, чтобы повидать Гамбетту

*Во Францию**J^{те} Гюставу Флоберу**Франция**Maxime Gustave Manbert*
*Croisset, près Rouen
par Seville
(Sens Interdiction).*

КОНВЕРТ ПОСЛЕДНЕГО ПИСЬМА ТУРГЕНЕВА К ФЛОБЕРУ ОТ 6 МАЯ 1880 г.

Библиотека Французской академии, Париж

(Шарпантье обещались получить окончательный ответ в субботу³). Меня не принимают, но мне удастся повидать его личного секретаря, господина Арно (сына госпожи Арно де л'Ариеж⁴). Разъясняю ему все дело: он благосклонно выслушивает меня, хоть и вертится на стуле, записывает что-то на бумажку и торжественно обещает прислать ответ завтра же утром. Разумеется, никакого ответа нет. Отправляюсь к его матери, с которой только что познакомился. Каменное лицо. Возвращаюсь домой, пишу Гамбетте письмо и в тот же вечер отвожу его госпоже Арно, прося передать его через посредство сына. Присовокупляю, что приеду к ней за ответом на другой день. На другой день, т. е. вчера, в среду, снова еду к госпоже Арно: никакого ответа! В то же время получаю письмо от госпожи Адан, о которой говорили, будто она уехала в Канны (письмо ее тоже прилагаю). Надеваю фрак, белый галстук — и вот я в ее салоне, где собираются почти что все политические знаменитости и откуда управляют и распоряжаются Францией. Она принимает меня очень хорошо, я ей излагаю дело... «Да ведь Гамбетта как раз здесь, он курит после обеда, мы в один миг всё узнаем». Она возвращается минуты две спустя:

«Это невозможно, сударь,—у Гамбетты уже есть кандидаты». Тут входит с непринужденным видом сам диктатор: я никогда не видел, чтобы дрессированные собаки так плясали перед хозяином, как пляшут перед ним министры и сенаторы. Он заговаривает с одним из них. Госпожа Адан берет меня за руку и подводит к нему; но великий муж отклоняет честь познакомиться со мною и повторяет достаточно громко, чтобы мне было слышно: «Я не желаю—сказано, что невозможно». Я незаметно исчезаю, возвращаясь домой, п о г р у ж е н н ы й—как говорится—в раздумья, о которых нет нужды вам сообщать. Вот и полагайся на любезные слова и обещания⁵.

Места, о которых говорит госпожа Шарпантье, будут предоставлены гг. Бодри и Сури⁶.

Ну, что ж, старина, надо все это выбросить вон из головы и снова приняться за работу, за литературную работу—единственную, достойную такого человека, как вы. Я уеду только в с у б б о т у (в 7 час. утра). Вы успеете мне написать. Дайте о себе знать; можете ли уже ходить на костылях?

Напишу вам из Москвы.

Крепко обнимаю вас.

Ваш Ив. Тургенев

P. S. Пишу несколько слов вашей племяннице.

¹ Именно Жюль Ферри (1832—1893), став министром народного просвещения в марте 1879 г. (после падения кабинета Дюфора), назначил Флобера в июне того же года «сверхштатным» хранителем библиотеки Мазарини.

² См. выше, письмо от 9 февраля 1879 г.

³ 17 февраля 1879 г. Золя писал Флоберу: «Все мы здесь проявили себя в вашем деле очень неловкими. Неловкость заключалась в поспешности, в том, что мы напомнили Гамбетте о его обещании в то время, как уже целую неделю его преследовали просьбами. Госпожа Шарпантье была больна, пришлось прибегнуть к Тургеневу, который на другой день должен был уезжать в Россию, а потому принужден был действовать напролом». См. Zola, Correspondance. Les lettres et les arts, P., 1907, p. 169.

⁴ Г-жа Арно де л'Ариеж (M-me Arnaud de l'Ariège)—вдова Фредерика Арно (1819—1878), политического деятеля, родом из Ариежа; в 1876 г. он был избран сенатором от этого департамента.

⁵ До сего времени об этой встрече имелись сведения лишь из вторых рук, и зачастую сомнительные, вроде свидетельства Павловского (см. Pavlovsky, Souvenirs sur Tourguéneff, P., 1887, pp. 253—254; см. также статью за подписью «Ж», И. С. Тургенев и французская литература.—«Новости», 1883, № 177, и Ковалевский М., Воспоминания о Тургеневе.—«Минувшие Годы», 1908, 8, стр. 16) и пресловутой статьи в «Figaro», появившейся 15 февраля 1879 г. под заглавием «La République athénienne», за подписью Aristophane. Приводим здесь значительную часть этой статьи, чтобы дать возможность сличить ее с письмом Тургенева:

«Вот свеженькая история, не лишенная пикантности. Как известно, г. Гюстав Флобер, автор «Госпожи Бовари», потерял почти все свое состояние в коммерческом предприятии, в которое он вступил по доброте, ради одного из своих родственников. Его друзьям пришла в голову мысль исхлопотать для него место в библиотеке Мазарини, которое должно было освободиться в связи со смертельной болезнью г. де Саси. Известный русский писатель Тургенев взял на себя необходимые хлопоты. Он посетил одну даму из высокопоставленных республиканских кругов, салон которой является местом встречи всех влиятельных особ.

—Окажите мне честь, пожалуйста ко мне на первый же вечер,—ответила дама Тургеневу.—Я представлю вас господину Гамбетте. В назначенный день Тургенев является и застаёт председателя палаты томно развалившимся на кушетке и занятым пищеварением. Позади него—целая свита чиновников и депутатов.

Господин Тургенев подходит к группе, здоровается с хозяйкой дома; та тотчас же склоняется к господину Гамбетте и называет ему вошедшего.

Господин председатель палаты едва достаивает писателя взглядом. Он не привык беспокоиться ради такой малости. Крайне удивленный Тургенев в нескольких словах объясняет цель своего визита; дурной прием не обескураживает его, так как он явился, чтобы услужить другу.

Хозяйка дома снова наклоняется к господину Гамбетте и шепчет ему несколько слов. На это господин председатель палаты сухо и надменно отвечает:

— Нет, этому не бывать! Я не желаю!

— Я не желаю!

После того, как Feringhea произнес эти слова, Тургенев, оценив эллинское изящество диктаторской речи, решил удалиться и поклялся—несколько поздно,—что в другой раз на такую удочку не попадетсся.

Отметим, что госпожа Адан в своих «Souvenirs» обходит этот вопрос полным молчанием. Об отношениях Тургенева и Гамбетты см. в комментариях к т. XII «Сочинений» И. С. Тургенева под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, Л., 1933, стр. 684—688.

⁶ В то время была, действительно, еще и другая вакантная должность библиотекаря—в Компьенском дворце. Она была предоставлена С у р и (1842—1915), философу, автору «Bréviaire de l'histoire du matérialisme», Р., 1870. Должность в библиотеке Мазарини получил Бодри.

16

Париж

Четверг [13 февраля 1879 г.]

Любезный друг,

Я только что виделся с Золя и все рассказал ему, а он—из чувства привязанности к вам (он к вам искренне привязан, это несомненно)—выразил сожаление, что я сказал вам всю правду без утайки. Ему хотелось бы, чтобы вы не сразу отказались от этого плана. (А госпожа Адан обещала мне похлопотать о вас во время моего отсутствия, причем выражалась резко, говоря, что Франция обязана сделать это для вас и т. д. Я об этом вам не писал). Приняв все во внимание, я нахожу, что должен был сказать вам истинную правду; так подсказывал мне инстинкт друга. Но как бы то ни было, передаю вам мнение Золя.

Н. В. Я не сказал ему, что послал вам в качестве оправдательных документов, его письма¹, и, быть может, вам лучше не говорить об этом. Несомненно, ваши друзья приложили все усилия; но они, повидимому, ошиблись, предполагая кое в ком благожелательные намерения.

Надеюсь, вы не подумаете, что эти хлопоты причинили мне личную неприятность; я очень сожалел о неудаче их, но только из-за вас; а что касается соприкосновения с владыками дня,—скажу, что это, пожалуй, даже позабавило меня, потому что я увидел любопытную изнанку.

Итак, не будем об этом больше говорить и позвольте мне еще раз обнять вас.

Ваш Ив. Тургенев

¹ См. предыдущее письмо.

17

Париж, 50, rue de Douai

Суббота утром [15 февраля 1879 г.]

Любезный друг,

Я уезжаю через час, и у меня хватит времени только на то, чтобы сказать, как я рад вашему отношению ко всей этой истории. Хорошо бы вам написать несколько слов Шарпантье и Золя. Что же касается госпожи Адан,—пожалуй, лучше воздержаться.

Недель через 5—6, когда вернусь, видно будет. Быть может, вы к тому времени будете уже в Париже.

Я напишу вам из М о с к в ы. А пока—обнимаю вас.

Ваш И. Т.

Берлин

Вторник, 18 февраля [18]79 г.

Любезный друг,

Представляете ли вы себе досаду, вызванную во мне статьей в «Figaro»¹, которую я прочитал лишь в воскресенье, в поезде, не помню уже, на какой станции. Эта досада особенно усилилась при мысли о том, как это должно было огорчить вас². Чорт меня побери, если я знаю, кто такой этот M-r Agi-stopthane! Госпожу Э. А[дан] я посетил в среду вечером; в четверг и пятницу я не выходил из дому из-за страшного насморка, а в субботу уехал в Россию. Об этом деле я говорил лишь с Виардо и его женой и с Золя; они никакого отношения к «Figaro» не имеют³. Видимо, так суждено, что в этом деле все должно итти неладно.

Я здесь со вчерашнего вечера; сегодня уезжаю в Петербург, где рассчитываю быть послезавтра; в воскресенье буду в Москве, а в понедельник или вторник напишу вам.

А пока—будьте здоровы, т. е. ходите без костылей и не сердитесь на меня. Обнимаю вас.

Ваш Ив. Тургенев

¹ См. выше, прим. 5-е к письму 15-му от 13 февраля 1879 г.

² Флобер писал своей племяннице 22 февраля 1879 г. по поводу «разглагольствований» «Figaro»: «Признаюсь, что это вызвало у меня кровавые слезы. Печатно объявляют о моей нищете! И эти ничтожные люди жалеют меня, говорят о моей «доброте». Как это тяжело! Как тяжело!» См. F l a u b e r t, Correspondance, VIII, pp. 218—219.

³ Откуда Аристофан из «Figaro» получил сведения? На это трудно ответить. Павловский пишет в своих «Souvenirs sur Tourguéneff»: «На другой день Тургенев с негодованием рассказывал об этом всем, кому не лень было слушать». Правда, что Павловский не внушает доверия; но на этот раз он, может быть, не так уж далек от истины. Тон письма Тургенева от 13 февраля 1879 г. выдает его раздражение. См. P a v l o v s k y, Souvenirs sur Tourguéneff, P., 1887, pp. 253—254.

Париж, 50, rue de Douai

Воскресенье утром [1 июня 1879 г.]

Любезный друг,

Мне хочется знать, как вы живете. Напишите мне: 1) Есть ли у вас чем поделиться со мной? Нет ли у л у ч ш е н и я в ваших делах? 2) Как ваше здоровье? Как работа? 3) Приедете ли вы в Париж и когда?¹. Начиная с пятницы, я буду в Буживале². У меня есть для вас комната. Воздух там прекрасный; имеются и широкие диваны, на которых можно растянуться во всю длину. Но напишите поскорее. А пока—обнимаю вас.

Ваш Ив. Тург[енев]

¹ Флобер приехал в Париж 2 июня 1879 г. См. письмо к Золя от 2 июня 1879 г.: F l a u b e r t, Correspondance, VIII, p. 172.

² Тургенев приехал в Буживаль 8 июня 1879 г., а это число приходится на воскресенье. См. К л е м а н, стр. 282.

Буживаль, Les Frênes

Пятница вечером, 13 июня [18]79 г.

Любезный друг,

Завтра вечером я, вероятно, уеду в Лондон. Во всяком случае, я не смогу обедать с вами и должен отложить это большое для меня удоволь-

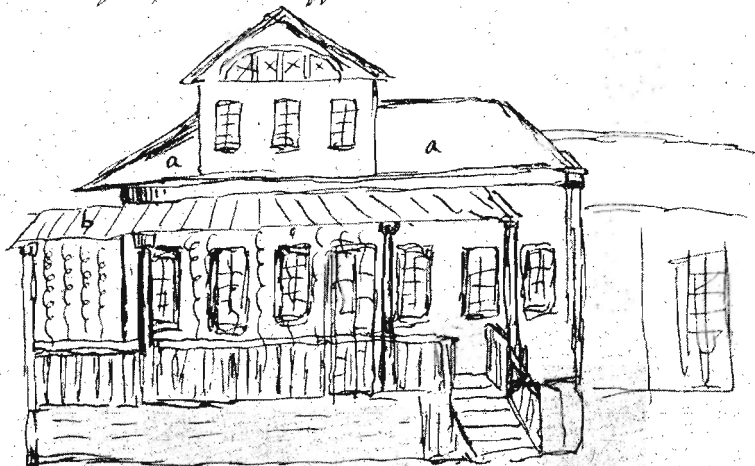
ствие до своего возвращения, т. е. на неделю. Не очень браните меня; когда я вам скажу причину¹, вы не будете сердиться на меня.

А пока—обнимаю вас.

Ваш Ив. Тургенев

le journal que j'écris ici, qui ne parle de l'affaire d'Orient et qui ne fait rêver — Je crois que c'est le commencement de la fin! Mais que de têtes courbées, de femmes, de têtes, d'enfants, vieillards, d'entre d'un côté! — Je crois aussi que nous ne (si parle de Russes) — nous ne pouvons pas éviter la guerre. —

Vous voudriez connaître l'aspect de ma habitation? — C'est bien laid — Tenez — voici quelque chose d'approchant :

Je ne sais si vous comprendrez bien : c'est une maison en bois, très vieille, rembrée de planches — peinte à la détrempe d'une couleur bleu clair ; il y a une véranda devant avec du liège qui grince ; les deux toits (a et b) sont en

ДОМ В СПАССКОМ

Рисунок Тургенева в письме к Флоберу от 23 июня (4 июля) 1876 г.

Библиотека Французской академии, Париж

Р. S. В ваших делах, повидимому, намечается улучшение²,—очень рад этому.

Р. S. Если в субботу не уеду, навещу вас в воскресенье.

¹ Тургенев уезжал не в Лондон, а в Оксфорд, где ему должна была быть присуждена степень Doctor of Common Law (доктора общего права). См. К л е м а н, 282.

² Флобера назначили внештатным хранителем библиотеки Мазарини. Министерское постановление об этом помечено 27 мая 1879 г., однако, официальное назначение состоялось, повидимому, лишь около 8 июня. См. Descharmes (R.) et Dumesnil (R.), *Autour de Flaubert*, P., 1912, vol. II, p. 172.

21

Т е л е г р а м м а

15 июня [18]79 г.

Гюставу Флоберу 240 Faubourg St. Honoré Париж

Воскресенье наверное завтра буду часа в четыре¹.

Тургенев

¹ См. предыдущее письмо.

22

Буживаль, Les Frênes, Châlet (Seine et Oise)
Четверг, 6 ноября [18]79 г.

Нужно же, как-никак, мой славный старина, написать вам и узнать, что вы поделяваете. Что касается меня—я не трогался с места, а дела тут шли не так уж хорошо. Вторая дочь госпожи Виардо месяц тому назад произвела на свет—и не без труда—девочку; мать и ребенок здоровы; зато старшая дочь (Жанна) схватила скарлатину; вот уже 3 недели, как она взаперти, и это продлится еще столько же. Марианна сильно простужена и не выходит¹. Супруги Виардо в понедельник уехали в Париж, а я сижу здесь, как старая устрица, которая даже и на солнце-то не блестит. Сердце тоже беспокоит меня—сердцебиение, по ночам замирания и т. п.²

Я закончил перевод статейки для журнала госпожи Адан; пришлю его вам или сам завезу, чтобы вы сделали надлежащие исправления³. Я благодарно предупрежу вас об этом, благодарю вас заранее. Вещица очень маленькая.

Я, кажется, никогда еще не читал ничего скучнее «Нана» (это между нами). Приходишь в отчаяние от пошлости, от мелочности; несколько непристойных слов, подбавленных в виде перца, не в состоянии изменить безвкусицу этой стряпни⁴.

Говорят, что и по общему мнению это—провал.

Обнимаю вас; во всяком случае—до скорого свиданья.

Ваш И. Тург[енев]

¹ См. также письмо к Пичу от 12 ноября 1879 г.: Turgeniew an Pietsch, стр. 143.

Вторая дочь госпожи Виардо, Клавдия, была замужем за Жоржем Шамро. Марианна—третья дочь госпожи Виардо.

² Об этих припадках Тургенев говорил на прощальном обеде, устроенном им для друзей 31 января 1880 г. «Обед начался весело, но вдруг Тургенев заговорил о замирании сердца, которое он почувствовал ночью, замирании, вместе с которым на стене против его кровати появилось большое коричневое пятно, которое в кошмаре, когда он не спал, не бодрствовал, представилось ему смертью». См. Journal des Gossourt, VI, p. 102.

³ Речь идет о рассказе «Человек в серых очках», оконченном в сентябре 1879 г.; Тургенев сам перевел его на французский язык. Рассказ появился в журнале «Nouvelle Revue» (основанном госпожой Адан 1 октября 1879 г.), в номере от 15 декабря того же года, под названием «Monsieur François, souvenir de 1848». Тургенев заранее условился с госпожой Адан, что перевод будет просмотрен Флобером. Тургенев послал ему гранки 2 декабря 1879 г. См. Mazon (André), Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguéneff, P., 1930, p. 91; письмо Флобера к племяннице 29 августа 1879 г.: Flaubert, Correspondance, VIII, p. 289; письма Тургенева к Флоберу от 30 августа, 13 ноября и 2 декабря 1879: Halpérine-Kaminsky, pp. 125, 127—128, 129—130.

⁴ Роман Золя «Nana» печатался фельетонами в журнале «Voltaire». В письме к Флоберу от 23 ноября 1879 г. Тургенев повторяет то же суждение, но в гораздо более мягкой форме: «Нет, «Нана» успеха не имеет, хоть несколько дней тому назад и появились две

превосходных главы. В общем же роман скучноват и, что особенно не понравится Золя, совершенно лишен непосредственности».

Флобер не разделял тургеневского мнения. 21 октября 1879 г. он писал Жоржу Шарпантье: «Да, я читал «Нана» (восемь фельетонов) и нахожу ее великолепной; можете передать это автору и позжать ему за меня руку». См. Halpérine-Kaminsky, p. 129, и Flaubert, Correspondance, VIII, p. 319.

Тургенев уже в «Западне» отмечал непристойные слова. Он писал Стасюлевичу 9 февраля 1877 г.: «Assommoir» Золя имеет здесь успех необычайный. Но это совершенно неперево-
димая вещь. Кто-то насчитал, что слова: foutre, merde, pisser, fesses и т. д. встречаются в этом романе 720 раз! Но талант громадный!»

По поводу той же «Западни» Флобер писал Тургеневу 14 декабря 1876 г.: «Золя становится жеманницей и а н з н а н к у. Он думает, что существуют сильно действующие слова, точно так же как Катос и Мадлон думали, что существуют слова благородные». См. «Стасюлевич и его современники», СПб. 1912, т. III, стр. 113, и Flaubert, Correspondance, VII, p. 369.

23

[Париж, 1870-ые гг.]

Старина Флобер, я забыл вас предупредить: не говорите Виардо или при нем, что я обедал у принцессы¹; он ненавидит Империю (как-нибудь скажу вам причину) и будет огорчен, если узнает, что я бываю у его в р а г о в². А госпожа Виардо знает, где я был.

Вас ждут сегодня вечером. Кроме меня, никого не будет.

До свидания.

Преданный вам

И. Т.

Четверг.

¹ Принцесса Матильда (1820—1904)—дочь Жерома Бонапарта. В эпоху Второй империи у нее был блестящий салон, где собирались знаменитые художники и писатели того времени. Флобер был ее близким другом; его письма к ней занимают значительное место в его переписке. В письмах Тургенева к Флоберу имя принцессы встречается неоднократно. См. Halpérine-Kaminsky, pp. 62, 133, 134.

О взаимоотношениях Флобера и принцессы Матильды см. Dumesnil (R.), Gustave Flaubert, P., 1933, pp. 196—198.

² Ненависть к режиму Второй империи была одною из главных причин переезда семейства Виардо в Баден в 1863 г. В письме к Полине Виардо, отправленном из Парижа 25 марта 1868 г., Тургенев иронически называет Наполеона III «приятелем Виардо». См. Tourguéneff, Lettres à Madame Viardot, publiées par E. Halpérine-Kaminsky, P., 1907, p. 233.

24

Москва, на Пречистенском бульваре,
в доме Удельной конторы

Четверг, $\frac{6 \text{ мая}}{24 \text{ апреля}}$ 1880 г.

Добрейший друг,

Это не письмо—это просто знак, что я еще жив. Я здоров, верчусь и скачу, как белка в колесе¹; нахожусь здесь уже неделю. В будущий понедельник уеду в деревню, пробуду там десять дней, вдыхая запах берез и слушая, как о р у т соловьи; в Москву вернусь к открытию памятника нашему великому поэту Пушкину² (NB: комитет пришлет вам приглашение! Вы, разумеется, не приедете, но если вы пришлете телеграмму, она будет прочитана на банкете под восторженные аплодисменты присутствующих), а потом удеру и в первых числах июня буду в Париже, где надеюсь заключить вас в свои объятия³. Что касается адвоката, о котором вас спрашивал Комманвиль, передайте ему следующий адрес: Г-н Виктор Гаевский⁴, Санкт-Петербург, Литейный, 48.

Это знаменитость и авторитет, а кроме того, он адвокат французской миссии в С.-Петербурге. Я предупредил его, и он сделает все возможное, чтобы быть полезным господину Комманвилю.

Кланяйтесь ему от меня, а также и племяннице вашей. Обнимаю вас — до скорого свидания.

Ваш старик
Ив. Тургенев

¹ Это письмо относится ко времени, когда Тургенев погрузился в литературную жизнь Москвы, принимая деятельное участие в подготовке пушкинского празднества. См. К л е м а н, стр. 291—292.

² Открытие состоялось 18/6 июня 1880 г.

³ Этой надежде не суждено было сбыться. Флобер скончался 8 мая 1880 г., и письмо до него не дошло. Тургенев узнал о смерти друга из статьи в «Голосе», которую он прочел в Спасском. «Этот удар был мне нанесен самым безжалостным образом,—писал он Золя:—Флобер был одним из тех, кого я больше всех любил на свете». См. письмо к Золя от 23 мая 1880 г.: *Halpérine-Kaminsky*, p. 256.

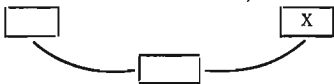
⁴ Гаевский Виктор Павлович (1826—1880)—известный адвокат, литератор, пушкинист, друг Тургенева.

25

В письме к Флоберу, написанном из Спасского 23 июня (4 июля) 1876 г., находится вышеописанный рисунок Тургенева. Письмо опубликовано в сборнике Гальперина-Каминского (стр. 87—90). Нижеследующий отрывок воспроизведен Гальпериным-Каминским с большими пропусками (стр. 89). Вот перевод подлинника:

Вам хотелось бы знать, как выглядит мое обиталище. Оно очень безобразно. Вот вам нечто, приближающееся к нему [см. рис. на стр. 691].

Не знаю, поймете ли: дом деревянный, очень старый, обшит тесом, выкрашен сиреновой клеевой краской; спереди веранда, обвитая плющом; обе крыши (а и б) крыты железом и выкрашены в зеленый цвет; верх необитаем, окна там заколочены. Этот домик — все, что осталось от обширной, расположенной вот так,

усадьбы, сгоревшей в 1840 г.; X отмечен дом, где я живу.

III. ПИСЬМА К Э. де ГОНКУРУ

Двадцать писем Тургенева к Эдмону де Гонкуру, хранящиеся в отделе рукописей Национальной библиотеки в Париже, охватывают период времени с 6 апреля 1872 г. по 23 марта 1881 г. Известно, как тщательно подбирался архив братьев Гонкуров, а потому не может быть сомнений, что это собрание включает все письма, посланные русским писателем его французскому другу. Письма эти удачно дополняют многочисленные места «Дневника» Гонкуров, касающиеся Тургенева. Таким образом, отношения двух писателей предстают теперь перед нами в ярком освещении.

Тургенев был введен в кружок Гонкуров, на обедах у Маньи, Шарлем Эдмоном в феврале 1863 г. Из «Дневника» мы знаем, какое сильное впечатление произвело его появление в этом кружке. Но в то время Тургенев не сблизился с братьями Гонкурами. Его первое письмо Эдмону де Гонкуру было написано лишь девять лет спустя—6 апреля 1872 г.; начиналось оно с официального обращения «Милостивый государь», и должно было пройти еще целых два года, прежде чем Тургенев позволил себе обращаться к нему со словами «Любезный друг мой» («Mon cher ami»),

хоть такое обращение и весьма обычно в парижском обществе. Более регулярные, но попрежнему не особенно частые встречи двух писателей начались с 1872 г.; вот они:

2 марта 1872 г.—обед у Флобера в обществе Эдмона де Гонкура и Теофиля Готье (Жюль де Гонкур умер в 1870 г.);

8 марта 1873 г.—обед у Вефура с Жорж Санд, Гонкуром и Флобером;

14 апреля 1874 г.—обед в Café Riche с Гонкуром, Альфонсом Додэ, Эмилем Золя и Флобером;

в ноябре 1874 г. Тургенев дает Гонкуру, по его просьбе, некоторые пояснения относительно русских мер длины (а р ш и и в е р ш о к);

25 марта 1875 г.—обед в обществе Гонкура, Додэ и Золя;

25 апреля 1875 г.—Тургенев у Флобера встречается с Гонкуром и Золя;

11 октября 1875 г.—в письме к Флоберу Тургенев выражает свою радость по поводу того, что Золя поместил в «Вестнике Европы» хорошую статью о творчестве Гонкуров («это будет способствовать переводу их романов»);

24 ноября 1875 г.—Тургенев предлагает Салтыкову издать в «Отечественных Записках» перевод романа Э. де Гонкура «La fille Elisa»;

7 декабря 1875 г.—Тургенев в письме к Салтыкову выражает свое согласие с суждением последнего относительно Гонкуров и Золя: «Мне самому все это смутно мерещилось... не то, чтобы у них не было таланта, особенно у Золя; но они идут не по настоящей дороге — и уж очень сильно сочиняют. Литературой воняет от их литературы»;

22 декабря 1875 г.—Тургенев, получив отказ от Салтыкова, предлагает «La fille Elisa» Стасюлевичу для «Вестника Европы»;

5 марта 1876 г.—Тургенев вместе с Гонкуром и Флобером посещает Гюго;

5 мая 1876 г.—обед в обществе Гонкура, Флобера, Додэ и Золя;

9 декабря 1876 г.—обед с Гонкуром и Золя;

4 мая 1877 г.—обед с Гонкуром, Флобером и Золя;

28 января 1878 г.—обед с Гонкуром, Додэ и Флобером;

26 ноября 1878 г.—Гонкур обращается к Тургеневу за местным колоритом для романа «Братья Земганно»;

31 января 1880 г.—обед с Гонкуром, Додэ и Золя.

Центром этих отношений является Флобер; они возникли и поддерживаются, благодаря дружбе с ним, и вполне вероятно, что, не будь Флобера, они свелись бы к нескольким случайным встречам. Письма Тургенева к Эдмону де Гонкуру подтверждают это предположение: это, спора нет, письма дружеские, в которых лишний раз проявляются доброжелательность и безграничная любезность их автора, но они лишены непосредственности и откровенности, они сдержанны и кратки. В отношениях Тургенева и Гонкура нет задушевности и, быть может, даже нет истинного расположения. 27 ноября 1878 г., после посещения Гонкуром Тургенева, последний писал Флоберу: «Я нашел его в добром здоровье, несколько похудевшим и все с тем же блестящим, темным и вовсе недобрим взглядом».

Гонкур, как человек, не привлекал Тургенева. Как писатель, он интересовал его, но в то же время и разочаровывал. В глубине души он, вероятно, соглашался с грубым суждением Салтыкова о Гонкуре («духовный онанизм»). Столь резкое отношение к чему-либо не соответствовало характеру Тургенева, но не приходится сомневаться в том, что его чувство меры и правдивое ощущение действительности не находили удовлетворения ни в нарочитой грубости Золя, за которым он, однако, признавал большую силу, ни в изысканности Гонкуров, хоть он и отдавал должное их художественному вкусу. Последние слова суждения, высказанного им Салтыкову, весьма характерны в устах корифея русского романа: «Литература, от которой воняет литературой».

ТУРГЕНЕВ—Э. де ГОНКУРУ

1

[Париж] 48, rue de Douai
Суббота, вечером 6 марта
[в действительности 6 апреля 1872г.]¹

Милостивый государь,

В том, что я не сразу ответил на ваше письмо, виноваты отчасти вы сами: как большинство ваших соотечественников, вы не выставляете своего адреса, а я его совсем позабыл, тем более, что меня к вам привел Флобер². Я не нашел вашего адреса и в большой адресной книге; наконец, мне пришла благая мысль обратиться к консьерже М-лле Матильды³, которая мне и сообщила его. Я очень рад, что моя книга вам понравилась. Что касается книг, присланных вами, то я тотчас принялся за чтение истории de Mailly⁴ и очень заинтересовался этой личностью, так тщательно изученной и разработанной вами. Это вполне современный нам тип, он мог бы встретиться в любой стране, но в то же время он вполне принадлежит Франции.

Я буду чрезвычайно рад увидиться с вами и хорошенько побеседовать. Удобно ли вам в четверг? Назначьте мне час и место, где мы могли бы встретиться в Париже, чтобы пойти пообедать вместе. А пока—примите уверения в искреннем моем расположении.

И. Тургенев

¹ Датируется на основании двух последующих писем; см. также прим. 2-е.

² Флобер привел Тургенева к Гонкуру 22 марта 1872 г. До этого посещения Тургенев встретился с Гонкуром у Флобера 3-го того же месяца. Судя по заметкам в *Journal des Goncourt*, только с этого времени и завязались дружеские отношения между Э. де Гонкуром и Тургеневым; появление последнего на обеде у Маньи в феврале 1863 г. носило случайный характер. На это указывает и официальное обращение «*Cher Monsieur*», которым начинаются письма Тургенева в 1872 г. Лишь в 1874 г. в его письмах появляется обращение «*Mon cher ami*» (см. «*Journal des Goncourt*», V, pp. 23—26, 30—32; II, pp. 95—96).

³ По всей вероятности, принцессы Матильды. См. о ней выше, в письме к Флоберу от четверга [1872—1879] и прим. 1-е к этому письму. Флобер, у которого Тургенев мог бы узнать адрес, находился в то время в Крюассэ.

⁴ «Шарль Демайи» (*Charles Demaillay*)—роман Эдмона и Жюль де Гонкур, P., 1868 (второе издание); в первом издании, вышедшем в 1860 г., роман назывался «*Les hommes de lettres*».

2

[Париж] 48, rue de Douai
Понедельник, 8 апреля [18]72 г.

Милостивый государь,

Спешу исправить свою оплошность, которую только что заметил. Я предложил вам встретиться в четверг, а в этот день я как раз должен обедать за городом у родственников, с которыми сговорился еще две недели тому назад¹. Не согласитесь ли на будущий понедельник вместо четверга? Я еще не получил от вас ответа, но если вы мне ничего не ответите, я буду считать, что Вы согласны.

Тысяча извинений и столько же дружеских приветствий.

И. Тургенев

¹ Речь идет о семье Н. И. Тургенева. 21 марта 1872 г., т. е. двумя неделями ранее, чем написано это письмо, Тургенев ездил вместе с Ханьковым в Вербуа, где жила семья Н. И. Тургенева, и, очевидно, тогда и условился об обеде в четверг (11 апреля). См. К л е м а н, стр. 208.

3

[Париж] 48, rue de Douai
Воскресенье, 14 апреля [18]72 г.

Милостивый государь,

Я боюсь, что вы не получили двух писем, которые я вам послал¹, так как вы ничего не ответили мне о месте нашей встречи. А между тем, я точно написал ваш адрес. Делаю еще попытку, чтобы сообщить вам, что, ввиду моего отъезда сегодня вечером в Брюссель, где я пробуду 2—3 дня, я не смогу пообедать с вами завтра, в понедельник, как предлагал вам в своем последнем письме. Напишите же мне словечко; я получу его по возвращении, и оно докажет мне, что мои записки до вас доходят.

Дружески жму вам руку.

Преданный вам

Ив. Тургенев

¹ См. письма от 6 и 8 апреля 1872 г.

А. ДОДЭ, Г. ФЛОБЕР, Э. ЗОЛЯ И И. С. ТУРГЕНЕВ НА «ОБЕДЕ ПЯТИ»

Иллюстрация Мирбаха из книги А. Daudet „Trente ans de Paris“, 1888 г.

4

[Париж] 48, rue de Douai
Вторник, 14 мая [18]72 г.

Милостивый государь,

Завтра я уезжаю в Россию, но мне не хочется уехать, не сказав вам, как я сожалею, что не виделся с вами с того дня, который мы так прекрасно провели у вас¹. Это моя вина,—знаю, но от этого мои сожаления еще горше. Словом, надеюсь, что, когда я вернусь, мы будем видеться чаще. Я прочитал ваши книги² с живейшим интересом; я не всегда соглашался с вами, но неизменно находился под обаянием вашей художественной maestria.

Позволяю себе послать вам одну из моих книг, которую вы, вероятно, не читали.

Одновременно пишу Флоберу. Мне сказывали, что он должен скоро быть в Париже³, — пожмите ему от меня покрепче руку и примите уверения в моем искреннем расположении.

Преданный вам

Ваш И. Тургенев

¹ 22 марта 1872 г., когда Флобер привел Тургенева к Гонкуру.

² Гонкур послал Тургеневу свои сочинения, в том числе и «Шарля Демайи». См. выше, письмо от 6 апреля 1872 г. (стр. 696).

³ Флобер рассчитывал быть в Париже в конце июня; он приехал туда 13 июня. См. Flaubert, Correspondance, VI, pp. 381—382.

5

[Париж] 50, rue de Douai

Понедельник, 11 ч. вечера [ноябрь 1874 г.]

Любезный друг,

Русский а р ш и н равен 71 сантиметру с небольшим; а р ш и н делится на 16 в е р ш к о в (они-то и обозначаются тем «v», о котором вы говорите); следовательно, вершок равен без малого $4\frac{1}{2}$ сантиметрам. Четыре вершка с половиною равны 20 сантиметрам с небольшим и т. д. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить вас (что мне следовало бы сделать уже давно) за присылку двух ваших прекрасных томов, которые я проглотил разом и в которых почерпнул множество вещей, совершенно мне неизвестных¹.

Флобер предлагает возобновить н а ш и обеды, раз первый из них прошел так удачно. Как славно было бы [собраться] всем вместе². Приходите к нему в воскресенье, между 2 и 4; я буду там, и мы это обсудим. Кроме того, мне хотелось бы показать вам (как лучшему знатоку XVIII в.) бронзовую плакетку, которую я только что купил за гроши; на ней изображены Марс и Венера в с т и л е Б у ш е. Венера, на мой взгляд, — чудно хороша. Вы скажете мне, так ли это.

Дружески жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

¹ «Два прекрасных тома», это — *L'Art du dix-huitième siècle* par Edmond et Jules de Goncourt, 2-me édition, P., 1874.

² Первый из «наших обедов» состоялся 14 апреля 1874 г. в Кафе Риш. В тот день Гонкур записал в своем «Дневнике»: «Обед у Риша с Флобером, Тургеневым, Золя, Альфонсом Додэ. Обед талантливых людей, ценящих и уважающих друг друга; предполагаем будущей зимою собираться ежемесячно». Осенью 1874 г., во время одного из посещений Флобера (в Круассэ), Тургенев говорил с ним, между прочим, о возобновлении этих обедов. Флобер писал Гонкуру 22 сентября 1874 г.: «Он [Тургенев] говорил об устройстве а р т и с т и ч е с к о г о обеда, вроде прошлогоднего, — вы ведь согласны, не правда ли? Обед состоится, как только я приеду в Париж, т. е., вероятно, в конце октября».

Флобер приехал в Париж в ноябре 1874 г., и, начиная с зимы 1874—1875 г., знаменитые «обеды пяти» устраивались более или менее регулярно вплоть до смерти Тургенева. См. *Journal des Goncourt*, V, p. 118, и Flaubert, Correspondance, VII, p. 204.

6

Париж. 50, rue de Douai

Понедельник, 16 мая [18]75 г.

Любезный друг,

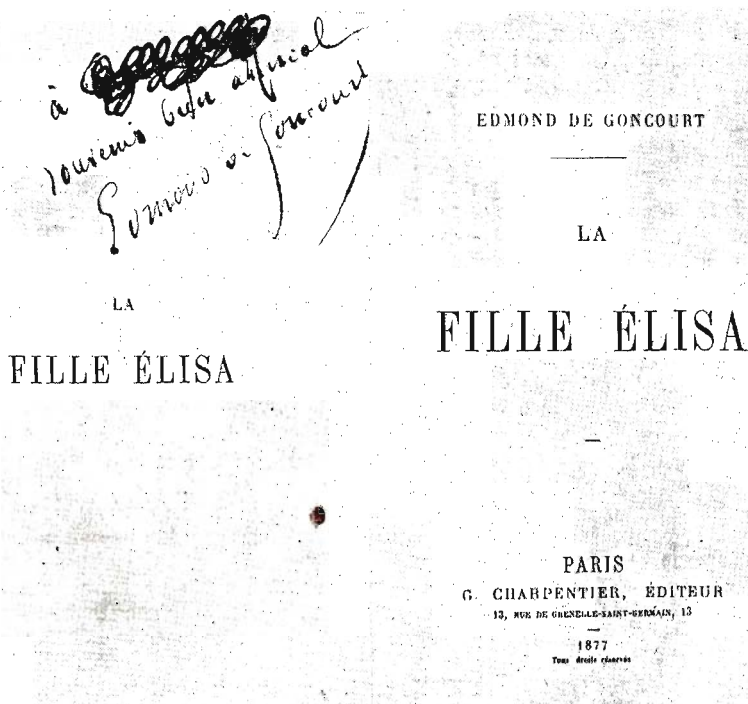
Очень мило с вашей стороны, что вы сами принесли мне вашу книгу¹, — сердечно благодарю за нее. Я увезу ее с собою² и прочту в дороге, а по приезде в Карлсбад с большим удовольствием напишу об этой книге и

о вас обоих статью для с.-петербургского «Вестника Европы»; надеюсь в этой статье высказать все, что думаю о вас и о вашем литературном облике³.

А пока—еще раз спасибо. До свидания! Жму вашу руку.

Ваш И. Тургенев

¹ Вероятно, новое издание «Renée Maupérin» Эдмона и Жюль де Гонкур, вышедшее в 1875 г. Именно этот роман, по выражению Тургенева, «заграбастал» («mit le grappin») Стасюлевич. На решение Стасюлевича, повидимому, повлиял Тургенев; он сам говорит об этом в письме к Гонкуру от 26 октября 1875 г. См. письмо Тургенева к Золя от

ЭКЗЕМПЛЯР „ДЕВИЦЫ ЭЛИЗЫ“ ЭДМОНА де ГОНКУРА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА ТУРГЕНЕВУ (фамилия зачеркнута)

Институт литературы Академии наук СССР, Ленинград

26 сентября 1875 г.: Halprérine-Kaminsky, p. 224, и нижепубликуемое письмо к Гонкуру от 26 октября 1875 г.

² Тургенев уехал в Карлсбад 29 мая 1875 г. См. Клеман, стр. 235.

³ Намерение написать статью о братьях Гонкурах не было осуществлено. Тургенева опередил Золя, поместивший о них статью в сентябрьском номере «Вестника Европы». См. следующее письмо.

7

Любезный друг,

Буживаль, Les Frênes
Вторник, 26 окт[ября] [18]75 г.

Вы, вероятно, уже получили подробное письмо г. Виардо, в котором он сообщает все нужные вам сведения. В четверг я буду в Париже и пришлю вам точные размеры картин¹.

Я получил записку от Флобера. Бедняга понемногу выкарабкивается. Он приедет в Париж к 15 ноября; жить он будет у племянницы, на rue

Fg. St. Honoré, 240². Я вернусь в Париж приблизительно к тому же сроку. Надо будет навещать его, и навещать почаще³.

Надеюсь, что вы в добром здоровье. Дружески жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

Вот вы и входите в моду в России, благодаря превосходному фельетону Золя, переведенному на русский язык. Уже переведены *Germinie Lacerteux*, *Renée Mauperin*; будут переведены и остальные ваши романы. К этому и я немного приложил руку⁴.

¹ Письмо Луи Виардо из Буживаля, от 23 октября 1875 г., хранится среди бумаг Гонкуров. Виардо сообщает о портретах его родителей, писанных Приюдом; портреты эти находились в парижском доме Виардо. Сведениями Виардо, а также размерами, сообщенными Тургеневым, Гонкур воспользовался при составлении каталога произведений Приюдона. См. *Goncour* (Edmond de), *Catalogue raisonné de l'œuvre peint, dessiné et gravé de P.-P. Prud'hon*, P., 1876, pp. 29—30.

² В апреле 1875 г. Флобер потерял значительную часть своего состояния в связи с банкротством мужа своей племянницы, Эрнеста Комманвиля. Это поставило его в необходимость жить отныне собственным трудом. «Бедный Флобер находится в совершенно отчаянном душевном состоянии, — писал Тургенев Золя 26 сентября 1875 г. — Какая подлая жестокость судьбы — поразить так человека, менее чем кто-либо способного жить собственным трудом». Однако, в начале октября Тургенев получил от Флобера более оптимистическое письмо. Он ему ответил 11 октября 1875 г.: «Увидеть ваш почерк, мой, добрый старый Флобер, было для меня громадной радостью, а читать ваше письмо — еще большею. Вы выплываете на поверхность, вы начинаете строить — чуть было не сказал литературные планы!!».

5 ноября Флобер уже снова приехал в Париж. Так как ему пришлось отказаться от квартиры на rue Murillo, он во время приездов в Париж стал останавливаться у своей племянницы. См. *Halpérine-Kaminsky*, pp. 224 et 82—83, и *Deschamès* (R.) et *Dumesnil* (R.), *Autour de Flaubert*, P., 1912, II, pp. 164—165.

³ То же писал Тургенев и Эмилю Золя 26 сентября 1875 г.: «...нужно, как вы правильно говорите, чтобы этой зимой все его друзья сплотились вокруг него». См. *Halpérine-Kaminsky*, p. 224.

⁴ Статья Золя о братьях Гонкурах — «Роман гг. Гонкур» — появилась в сентябрьском номере «Вестника Европы» за 1875 г. (стр. 400 и далее). Золя сам признавался, что «очень доволен этой статьей», а Салтыков хвалил ее в письме к Некрасову от 26 ноября 1875 г. См. письмо Золя к Стасюлевичу от 27 августа 1875 г., «Стасюлевич и его современники», СПб. 1912 г., III, стр. 597, и М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма, под ред. Н. В. Яковлева, Л., 1924, стр. 109.

Однако, творчество Гонкуров не имело в России того успеха, который предсказывал ему Тургенев. Салтыков, увлекшись сначала, быстро изменил мнение, прочитав «*Mamette Salomon*». Он писал Анненкову (2 декабря 1875 г.): «Прочитал я на днях *Mamette Salomon* Гонкуров и словно глаза у меня открылись. Возненавидел и Золя и Гонкуров — всех этих д...л, которые ни до чего дод...ться не могут. Извините, что я так выражаюсь. Диккенс, Рабле и проч. — нас прямо ставят лицом к лицу с живыми образами, а эти жалкие д...лы нас психологией потчуют... Психология — вещь произвольная; тут, как ни нанизывай — или не донижешь, или перенижешь. И выйдет рыло косое, подрезанное, не человек, а компрачикос». Тургенев, попытавшийся подготовить дорогу Гонкурам, так же как он подготовил ее для Золя, вскоре должен был сознаться в неудаче этой попытки. Салтыков отклонил предложение Тургенева напечатать в «Отечественных Записках» перевод «*La fille Elisa*» Э. де Гонкура. Он написал (30 ноября 1875 г.) Тургеневу письмо в том же духе, что и Анненкову, и Тургенев согласился с ним: «Мне самому все это смутно мерещилось... не то, чтобы у них не было таланта, особенно у Золя; но они идут не по настоящей дороге и уж очень сильно сочиняют. Литературой воняет от их литературы... Тем не менее, он попытался пристроить «*La fille Elisa*» в «Вестник Европы» — и тоже безуспешно.

См. Салтыков-Щедрин М. Е., Письма, под ред. Н. В. Яковлева, Л., 1924, стр. 112, 114, 115; Тургенев И. Первое собрание писем, СПб. 1884, стр. 271—272; «Стасюлевич и его современники», СПб. 1912, III, стр. 70—71. Об отношении Салтыкова к французскому натурализму см. также Лаврецкий А., Щедрин — литературный критик. — «Литературное Наследство», 11—12, стр. 620—622.

8

Париж, 50, rue de Douai
Вторник, 21 ноября [1876 г.]

Любезный друг,

В понедельник, 27 ноября, в 6 1/2 час. мы обедаем у Пеле и Адольфа. Он обещался сделать все возможное, чтобы снова войти в милость. Золя и Додэ уведомят нас¹.

До понедельника!

Дружески жму вам руку.

Ив. Тургенев

¹ Это приглашение на «обед пяти» или, вернее, «четыре», так как Флобер в это время находился в Круассэ. В «Trente ans de Paris» Додэ пишет об этих обедах: «Угодить нам было не легко, и парижские рестораторы, вероятно, еще вспоминают нас. Мы их часто сменяли. То это были Адольф и Пеле, возле Орэга или на площади Орэга Comique, затем у Вуазена, винный подвал которого удовлетворял всем прихотям, примирял все аппетиты».

Владельцу «Адольфа и Пеле» 27 ноября не удалось снова войти в милость писателей. Тургенев писал Флоберу 9 декабря 1876 г.: «Г-н Пеле подал нам отвратительный обед; больше к нему не пойдем». См. Daudet (Alphonse), Trente ans de Paris, P., 1891, p. 290, и Halpérine-Kaminsky, pp. 96—97.

9

Париж
Четверг, 18 января [1877 г.]

Любезный друг,

Тысячу раз благодарю вас за присылку вашей книги¹. Я примусь за нее немедленно. Во вторник мы встретимся на обеде у Додэ, не правда ли?

До свиданья. Жму вам руку.

Ив. Тургенев

¹ Речь идет о романе Э. де Гонкура «La fille Elisa», только что вышедшем тогда.

10

Париж, 50, rue de Douai
Среда, утром 21 марта [1877 г.]

Любезный друг,

Не откажите отобедать с нашими друзьями и со мною в будущий понедельник, 26 марта, в Café Riche в 7 1/2 час¹.

До свидания. Жму вам руку.

Ив. Тургенев

¹ Такое же приглашение имеется и в конце письма к Золя от 21 марта 1877 г. См. Halpérine-Kaminsky, p. 238.

11

Париж, 50, rue de Douai
Суббота, 8 июня [1878 г.]

Любезный друг мой,

Позвольте рекомендовать вам моего соотечественника и друга, г. П. Боборыкина, известного писателя; он был бы счастлив лично познакомиться с автором, произведения которого он высоко ценит и о котором читал публичные доклады в Петербурге. Если бы мне не предстояло на-днях уехать из Парижа, я бы сам представил его вам, но я не сомневаюсь, что вы примете его со свойственным вам доброжелательством¹.

Дружески жму вам руку и остаюсь преданный вам

Ив. Тургенев

¹ Боборыкин приехал в Париж в июне 1878 г. для участия в международном литературном конгрессе. Тургенев, не любивший его, писал Стасюлевичу: «Сюда приехал

П. Д. Боборыкин — и потому вы можете себе представить, что на конгрессе наша литература не останется безмолвной. Несмотря на ваши доводы — я все-таки буду сожалеть об этом».

Рекомендация, данная Тургеневым Боборыкину, в достаточной степени сдержанна и официальна; она напоминает рекомендацию, данную им тому же Боборыкину к Р. Heuse (10 октября 1874 г.), в которой он так и говорит: «Моя рекомендация несколько сдержанна, но иначе и быть не должно».

Тургенев, действительно, хотел уехать через несколько дней, но он «дал втянуть себя в дела Интернационального конгресса», как он писал 23 июня 1878 г. Флоберу, и уехал лишь в начале августа.

См. «Стасюлевич и его современники», СПб. 1912, III, стр. 152; Halpréine-Kaminsky, стр. 112, и Клеман, стр. 228 и 270.

12

Париж, 50, rue de Douai

Вторник утром [конец ноября 1878 г.]¹

Любезный друг,

Особые цыганские имена бывают только в операх. Вам небезызвестно, что цыгане, как народ, вполне безразличный к вере, усваивают религию той страны, где живут, и носят те имена, какие встречаются в святцах этой страны. Могу, однако, привести вам имена (ласкательные, уменьшительные) известных в России цыганок: Стёша (уменьш. от Степаниды, Этьенетты). Она кружила голову нескольким поколениям в 1820—1830 гг.², Любаша (уменьш. от Любовь, Charité); Параша (уменьшительное от Прасковьи); Мариула (уменьшительное от Марии). Она была возлюбленной нашего знаменитого поэта Пушкина³. Таня (уменьшительное от Татьяны); Липа (уменьшительное от Олимпиады), — вот и выбирайте.

Действительно, нам надо бы повидаться. Но где и как? Флобер пишет мне, что приедет лишь в феврале. Я не видел еще ни Золя, ни Додэ. А следовало бы устроить обед, как в былое время. Я об этом черкну вам словечко.

Жму вам руку. До свидания!

Ваш Ив. Тургенев

¹ 26 ноября 1878 г. Гонкур, работавший тогда над «Братьями Земганно», посетил Тургенева. Вот как описывает Тургенев это посещение в письме к Флоберу от 27 ноября 1878 г.: «Гонкур приезжал ко мне за местным колоритом — южная Россия, цыганские имена и проч. Я нашел его в добром здоровье, несколько похудевшим и все с тем же блестящим, темным и вовсе недобрим взглядом. Он говорил о вас с большим расположением».

Публикуемое письмо, повидимому, написано незадолго до этой встречи или несколько дней спустя после нее; оно содержит большой выбор цыганских имен. См. — Halpréine-Kaminsky, p. 115.

² Этим именем и наделил Гонкур мать братьев Земганно. Из кратких сведений Тургенева он сумел извлечь максимум местного колорита. Он построил на этих данных следующую фразу: «Степанида, по-нашему Этьенетта, которую звали уменьшительным именем Стеша»... См. Goncourt (E. de), Les Frères Zemganno, P., 1879, p. 25.

³ Домысел Тургенева, основанный на известных стихах Пушкина («...И долго милой Мариулы я имя нежное твердил»), которые поэт вписал в беловой экземпляр издания «Цыган» (эпilog) при поднесении поэмы Вяземскому.

Имени Мариулы нет в романе Гонкура. Тем любопытнее отметить в нем другой отголосок пушкинской поэмы. Степанида поет «песню родной страны»:

«Vieux époux, barbare époux,
Egorge moi! brûle moi!

Je te hais!
Je te méprise!
C'est un autre que j'aime
Et je meurs en l'aimant».

Таким образом, Гонкур вкладывает в уста Степаниды буквальный перевод песни пушкинской Земфиры (см. G o n c o u r t Edmond de, Les Frères Zemganno, P., 1879, p. 73). Не подлежит сомнению, что на эту песню указал Гонкуру Тургенев, тем более, что сам он упоминает о ней в записке пресловутого Эрнеста к жене Лаврецкого в гл. XVI «Дворянского гнезда».

ЭДМОН ДЕ ГОНКУР

Рисунок Э. Карьера на экземпляре «*Germinie Lacerteux*»
из библиотеки Гонкуров, 1892 г.

В глубине — профиль Жюль де Гонкура

13

Париж, 50, rue de Douai
Среда, утром [7 мая 1879 г.]

Любезный друг,

Придется отказаться от совместной поездки в воскресенье¹. Флобер пишет, чтобы я уведомил вас, что он не может принять сразу более, чем одного человека. Я пишу об этом также Золя и Додэ. Что до меня, то я поеду.

Жму вам руку.

Ваш Ив. Тургенев

¹ 27 января 1879 г. Флобер сломал себе ногу. В мае он уже почти совсем поправился, но еще не выезжал из Круассэ. Он ждал посещения своих друзей. В четверг 1 мая 1879 г.

он писал Гонкуру: «Час от часу не легче. Тургенев, надувший меня в течение недели четыре раза, сегодня утром сообщил, что придет в воскресенье. Я надеюсь, что вслед за ним придете и вы и что придете без провожатых, чтобы можно было лучше поболтать. Когда хотите приехать: до или после нашествия Золя — Шарпантье — Додэ? Условьтесь с ними господами».

Как раз в тот день, когда Флобер замыслил «раздробить» посещение друзей, последнее, собравшись на «сарданапаловом обеде», решили навестить его все вместе (кроме Шарпантье) в воскресенье 11 мая. Тургеневу было поручено написать Флоберу соответствующее письмо, которое он и отправил в субботу 3 мая. См. Flaubert, Correspondance, VIII, p. 263, и письмо к Флоберу от субботы (3 мая 1879 г.); Halpérine-Kaminsky, pp. 134—135 (у Гальперина-Каминского дата не уточнена).

14

Париж. 50, rue de Douai
Среда, утром [14 мая 1879 г.]

Любезный друг,

Спешу поблагодарить вас за присланную книгу; я ее читаю, и она кажется мне одним из лучших ваших произведений¹. Уже одно предисловие само по себе превосходно, а благодаря тому, что оно написано вами, оно приобретает особый вес².

Я провел два дня в Круассэ, у Флобера³. Его здоровье, в общем, довольно хорошо, работа его подвигается. Он прочитал мне три главы, которые мне очень понравились⁴. Он передвигается все еще с трудом и придет в Париж лишь через месяц.

Дружески жму вам руку. До свидания!

Иван Тургенев

¹ Роман «Les Frères Zemganno» вышел в свет 30 апреля 1879 г. Современная критика отнеслась к этой книге довольно сурово. Однако, друзья Гонкура сумели ее оценить. Флобер писал Гонкуру (1 мая 1879 г.): «Я в восторге от вашей книжки».

Павловский рассказывает, что Тургенев читал ему первые страницы «Братьев Земганно» и резко осуждал их стиль, находя его искусственным и претенциозным. Свидетельство Павловского, как всегда, не внушает доверия, однако, не следует забывать отрицательного отношения Тургенева к творчеству Гонкуров, высказанного им в письме к Салтыкову (см. выше, прим. 4-е к письму к Гонкуру от 26 октября 1875 г.). Тем не менее, было бы ошибкой усматривать в похвале Тургенева простую вежливость. Отношение Тургенева к творчеству Гонкуров было глубоко противоречивым. См. «Journal des Goncourt», VI, pp. 67 et suiv.; Flaubert, Correspondance, VIII, p. 262, и Pavlovsky, Souvenirs sur Tourguéneff, P., 1887, pp. 74—75.

² В предисловии к «Братьям Земганно» Гонкур заявлял, что реалистические романы, вроде «Assommoir» и «Germinie Lacerteux», являлись лишь «блестящими схватками авангарда». Великая битва, которая предопределила победу реализма, разыгралась лишь тогда, «когда жестокий анализ... привнесенный моим другом, г. Золя, и, быть может, мною самим в изображение низов общества, будет подхвачен талантливым писателем и применен к изображению светских мужчин и женщин из образованной и изысканной среды», ибо такая задача много сложнее и труднее.

Предисловие являлось «обращением к молодежи»: «и это предисловие имеет целью сказать молодым, что успех реализма — в этом, только в этом, а не в босяцкой литературе (le canaille littéraire), в настоящее время уже исчерпанной их предшественниками». См. Goncourt (Edmond de), Les Frères Zemganno, P., 1879, pp. VII—XII.

Взгляды Гонкура вполне сходились со взглядами Тургенева, особенно в отрицательной своей части. Предисловие было направлено против предпочтительного изображения «низов общества», против «литературного босячества», а именно это и отталкивало Тургенева в творчестве таких писателей, как Золя. Тургенев, писавший Флоберу по поводу «Assommoir»: «Талантливо, но тяжеловесно и слишком много от ночного горшка», естественно, должен был радоваться, что Гонкур, один из вождей этой школы, наносит ей удар, ибо предисловие к «Братьям Земганно» являлось именно ударом. См. письмо к Флоберу от 9 декабря 1876 г.: Halpérine-Kaminsky, p. 97. См. также выше письмо к Флоберу от 6 ноября 1879 г. (стр. 692).

Относительно предисловия Гонкура см. Zola (E.), Le roman expérimental, pp. 262—272, и Sabatier (Pierre), L'esthétique des Goncourt, P., 1920, pp. 516—517.

³ Воскресенье 11-го и понедельник 12-го мая 1879 г. См. предыдущее письмо.

⁴ Речь идет о трех главах «Bouvard et Pécuchet». Тургенев, вероятно, в тот же день, писал Флоберу: «Три главы, прочтенные вами, доставили мне большое удовольствие, особенно 2-я и 3-я». См. письмо к Флоберу от среды [14 (?) мая 1879 г.]: Halpérine-Kaminsky, p. 133 (дата эта у Гальперина-Каминского не уточнена).

15

Буживаль, Les Frênes, Châlet
Воскресенье, 19 окт[ября] [18]79 г.

Любезный друг,

Большое вам спасибо за присылку «Gavarni»¹; я принялся его читать немедленно, с увлечением, какого заслуживают и тема книги и ее автор.

Я пробуду здесь до конца ноября, а около 15 декабря уеду в Россию². В промежутке я надеюсь повидаться и пообедать с вами, *more anti-q u o*. А пока — дружески жму вам руку.

Ваш Ив. Тургенев

¹ Goncourt, (Edmond et Jules de), Gavarni. L'homme et l'œuvre d'après les papiers et les mémoires inédits de l'auteur, nouvelle édition, P., 1879.

² Тургенев уехал лишь 3 февраля 1880 г. См. Клеман, стр. 290, и два следующих письма в настоящем издании.

16

Париж, 50, rue de Douai
Суббота, 24 янв[аря] [1880 г.]

Любезный друг,

Не откажите принять участие в прощальном обеде, который я устраиваю перед отъездом в Россию, где пробуду дольше обычного. Будет Золя, может быть, и Додэ. Обед состоится во вторник в 7 час. в Café Riche. Пожалуйста, напишите мне словечко — и пусть это будет «да»¹.

Жму вашу руку.

Ив. Тургенев

¹ В понедельник утром (26 января 1880 г.) Тургенев писал Золя: «Додэ еще не ответил, а Гонкур написал, что приглашение принимает. Он только опасается, что не сможет притти из-за гриппа. Мне очень хочется, чтобы он был, а потому я предлагаю перенести этот обед на пятницу». См. Halpérine-Kaminsky, p. 255.

17

Париж, 50, rue de Douai
Среда [28 января 1880 г.]

Любезный друг,

Додэ умоляет перенести обед на субботу из-за того, что в пятницу — премьера «Nabab». Надеюсь, что вам это так же будет удобно, как и мне, и спешу предупредить вас (и Золя тоже)¹. Итак, до субботы, и уж непременно!

Ваш Ив. Тургенев

¹ См. письмо к Золя от того же числа: Halpérine-Kaminsky, pp. 255—256. Премьера «Nabab» Додэ состоялась в пятницу 30 января 1880 г., в театре Vaudeville, а прощальный обед, дважды откладывавшийся, в субботу 31 января. Обед этот описан в «Journal des Goncourt», VI, pp. 101—103. Лицо Додэ «светилось радостью в связи с успехом состоявшейся накануне премьеры».

18

Париж, 50, rue de Douai
Среда утром [24 ноября 1880 г.]

Любезный друг мой,

Вам известно, что, по желанию семейства Флобера и всех его друзей, вы избраны в комитет по сооружению ему памятника — да иначе и быть не могло. Но вы не знаете, что, кроме того, вы избраны еще и членом

исполнительной подкомиссии, на которую возложены все необходимые хлопоты и т. д., и т. д. Подкомиссия состоит из двух вице-председателей (Лапьера¹ и меня), двух секретарей (Мопассана и Эредиа)², вас и Жилья из «Фигаро»³, которого мы хотели бы назначить казначеем. Подкомиссия соберется у меня в пятницу в 2 часа. Мы можем рассчитывать на вас, не так ли?

Мне попался в Москве очень любопытный портрет Карла XII в молодости (горельеф на табакерке из слоновой кости), работы начала прошлого века. Я не собираю такого рода вещей и буду рад предложить ее вам.

До пятницы! Дружески жму вам руку.

Преданный вам

Ив. Тургенев

¹ Лапьер (Lapierre) Шарль—друг Флобера. См. о нем Dumesnil (René), Gustave Flaubert, P., 1933, p. 291.

² Эредиа хоть и не был близким другом Флобера, но с 1872 г. часто бывал у него. Об их отношениях см. Albalat (A.), Gustave Flaubert et ses amis, P., 1927, pp. 82—86.

³ Жиль (Gilles), Филипп—журналист, сотрудник «Figaro», где он вел парижскую хронику под псевдонимом «Masque de fer» («Железная маска»). В письме к Золя от 28 ноября 1880 г., в котором Тургенев просил его прислать письменное согласие на избрание во Флоберовский комитет, упоминается не Жиль из «Figaro», а Артюр Мейер из «Gaulois». См. Halpérine-Kaminsky, p. 257.

19

Париж, 50, rue de Douai
Вторник, 21 дек[абря] [18]80 г.

Любезный друг,

Наша подкомиссия соберется у меня в пятницу в 4 ч. для решения важных вопросов¹; мы можем рассчитывать на вас, не правда ли?

Дружески жму вам руку.

Ваш Ив. Тургенев

¹ См. приглашения, разосланные в тот же день Золя, Эредиа (в адрес Мопассана) и Дю-Кану: Halpérine-Kaminsky, pp. 258, 272, и письмо к Дю-Кану в настоящем издании (стр. 675).

20

Париж, 50, rue de Douai
Среда, 23 марта [18]81 г.

Любезный друг мой,

Простите меня, что я с запозданием поблагодарю вас за вашу посылку. Но все эти дни у меня голова кругом шла. Через неделю я уезжаю в Россию и повезу вашу книгу с собою, чтобы спокойно прочитать ее в деревне¹. Я все же надеюсь еще повидаться с вами до отъезда. Скоро вы получите приглашение на заседание Флоберовского комитета².

Дружески жму вам руку.

Ив. Тургенев

¹ Речь идет, вероятно, о «La Maison d'un artiste» — описании дома Гонкуров, вышедшем в 1881 г. Тургенев мог прочесть там следующие строки, посвященные его книгам, которые имелись в доме в числе прочих сокровищ: «От Тургенева — все его книги, все эти тонкие и проникновенные этюды человеческой души, окаймленные пейзажами, столь глубоко прочувствованными мечтателем, обрамленные тенистыми лесами, так свежо описанными охотником». См. Goncourt (Edmond de), La Maison d'un artiste, P., 1881, II, p. 363.

Тургенев уехал в Россию лишь 8 мая 1881 г. См. Клеман, стр. 304.

² Заседание Флоберовского комитета состоялось 9 апреля 1881 г. См. Journal des Goncourt, VI, p. 141.